

Весь

ХАЛИНЛАМИН

УГРОЗА
С ЗЕМЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

БЮТИ РОУНДАТОН



Annotation

Луна – место, где в роскошных резиденциях под личными куполами поправляют свое здоровье богатейшие люди Земли, учеными открыт новый процесс – звездный эффект, по сравнению с которым атомная бомба, как взрыв обычной гранаты...

Секретный правительственный агент Гилеад, чудом спасшийся из застенков врагов, теряет доверие своего руководства. Он находит прибежище на ранчо, которое населяют люди, наделенные необычными способностями. Капитан Гилеад становится одним из них...

- [Бездна](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-
-

Посвящается Спрэггу и Кэтрин

Ракета, стартовавшая с базы первой лунной четверти, доставила его на станцию Пьед-а-Терра. Фамилия, под которой он путешествовал, благодаря его предусмотрительности начиналась на букву «А», так что он прошел портовую инспекцию и попал в снующий по туннелю к городу челночок до основной оравы пассажиров. Оказавшись в машине, он сразу пошел в мужской туалет, заперся там. Живо застегнул пряжки страховочного ремня, сунул его крюки в держатели на стене и неуклюже наклонился, чтобы достать из чемодана бритву. Тут его качнуло и, несмотря на ремень, он ударился головой – и выругался. Выпрямился и пустил в ход бритву. Усы исчезли; он подкоротил баки, прошелся по краям бровей; полотенцем стер масло, заставлявшее волосы лежать гладко и, расчесанные, они превратились в волнистую гриву.

Машина теперь шла ровно, достигнув трехсот миль в час; он выбрался из страховочного ремня, не вынимая крюков из держателей, молниеносно стащил с себя лунный скафандр, достал из чемодана и надел повседневный костюм из твида, пригодный для прогулок по Земле и абсолютно неприемлемый для снабженных воздушными кондиционерами коридоров Лунной Колонии. Туфли он сменил на прогулочные башмаки, которые достал из чемодана. Джоэл Абнер, коммивояжер, исчез; вместо него появился Джозеф Гилеад, исследователь, лектор и писатель. Оба эти имени использовались по необходимости, ни одно из них не было его подлинным.

Лунный скафандр он изрезал на ленточки и выкинул их в унитаз, туда же швырнул идентификационную карточку «Джоэла Абнера», затем отодрал пластиковое покрытие чемодана и отправил обрывки вслед за всем остальным. Теперь чемодан стал жемчужно-зеленого цвета с грубой поверхностью, а не темно-коричневым гладким, каким был прежде. Его несколько тревожили туфли: он побаивался, как бы они не засорили канализацию. Пришлось запихнуть их в мусорный ящик.

В то время как он их запихивал туда, прозвучал сигнал, предупреждающий об изменении скорости; он едва успел влезть обратно в ремень. Зато к тому моменту, когда челнок погрузился в магнитное поле и остановился, от Джоэла Абнера не осталось ничего, кроме ничем не примечательного нижнего белья, самых обычных туалетных принадлежностей, да десятков двух катушек с микропленками, которые могли принадлежать и коммивояжеру, и писателю-лектору – если их не рассматривать внимательно. А он, пока жив, намеривался не допустить, чтобы их рассматривали.

Выждав в туалете и убедившись в том, что последний пассажир покинул машину, Гилеад прошел в следующий вагон, вышел через его дверь и направился к лифту, чтобы подняться на поверхность.

– Отель «Новая Эра», сэр, – умоляюще произнес чей-то голос прямо у него над ухом. Чья-то рука ухватилась за ручку чемодана.

Он подавил рефлекс, побуждавший его отобрать чемодан, и оглядел говорившего с головы до ног. На первый взгляд тот показался коротышкой-подростком в аккуратной форме и в шапочке. При дальнейшем разглядывании у него обнаружили преждевременные морщины и черты, по крайней мере, сорокалетнего мужчины. Глаза были подернуты пеленой. «Что-то с гипофизом, – подумал капитан, – да еще и под хмельком».

– Отель «Новая Эра», – повторил гостиничный агент. – Лучшее механическое обслуживание в городе, сэр. Тем, кто только что прилетел с Луны, положена скидка.

Капитан Гилеад, когда останавливался в городе под этим именем, всегда обосновывался в добром старом «Савое». Но идея насчет «Новой Эры» ему импонировала: в этой невероятно громадной, кишачей людьми и ультрамодерновой гостинице он сможет оставаться незамеченным, пока не выполнит то, что должен.

Очень капитану не хотелось выпускать из рук чемодан. Но, не позволив агенту нести багаж, он разрушит образ; это привлечет внимание к нему – да и к чемодану. Капитан решил, что болезненный недоросток нипочем не обогнал бы его, даже если бы он, Гилеад, передвигался на костылях; достаточно будет не спускать с чемодана глаз.

– Веди, друг! – дружелюбно ответил он, выпуская чемодан.

Не возникло ни малейшего замешательства: он отдал чемодан, как только гостиничный агент ухватился за него.

– О'кей, шеф!

Агент первым вошел в пустой лифт, продвинулся в глубину кабины и поставил чемодан рядом с собой на пол. Пока в лифт втискивались другие пассажиры, Гилеад расположился так, чтобы твердо опираться ногой о чемодан и стоять лицом к выходу. Машина тронулась.

В лифте была давка; на Гилеада нажимали со всех сторон, – но он заметил, что со спины по совершенно непонятным причинам его толкали особенно сильно.

Гилеад сделал внезапное движение правой рукой и сжал чье-то костлявое запястье. Он стоял неподвижно, и тот, кому принадлежала рука, не пытался ни вырваться, ни сопротивляться. Так оба и оставались в той же позиции, пока лифт не достиг поверхности. Когда пассажиры вышли, Гилеад левой рукой нащупал чемодан, а правой вышвырнул схваченного им человека из лифта.

Им, конечно же, оказался агент, а в кулаке у него был зажат бумажник Гилеада.

– Вы его чуть не потеряли, шеф, – объявил коротышка без малейшего смущения. – Он уже у вас из кармана вываливался.

Гилеад взял бумажник и засунул его во внутренний карман.

– Через молнию выпал, – бодро согласился он. – Что ж, сейчас отыщем фараона. Недоросток попытался вырваться:

– Не докажете!

Гилеад продумывал оборонительную тактику. Действительно, не докажет. Бумажник – у него. Что до свидетелей, так пассажиры лифта уже разошлись, да они и не видели ничего. Лифт был автоматический. Гилеад просто оказался бы в глупой ситуации – ни с того ни с сего схватил другого гражданина за руку. Да и самому-то ему совсем не хотелось встречаться с полицией.

Он отпустил запястье:

– Ступай своей дорогой, друг. Мы квиты.

Недоросток не шевельнулся:

– А мои чаевые?

Гилеаду начинал нравиться этот негодник. Он вытащил полкредита из кармана с мелочью и швырнул монету агенту. Тот поймал ее на лету, но не ушел.

– Давайте поднесу ваш чемодан.

– Нет уж, спасибо, парень. Я найду твою восхитительную гостиницу самостоятельно. Иди своей дорогой!

– Ах, вот как? А мои комиссионные? Мне надо нести ваш чемодан, а то как же узнают, что это я вас сюда приволок? Давайте!

Непрошибаемая настойчивость этого парня просто восхищала Гилеада. Он отыскал монету в два кредита:

– Вот тебе твои чаевые. А теперь – проваливай, пока я тебе не дал под зад коленом!

– Это вы-то?

Гилеад хмыкнул и двинулся к главному входу в отель «Новая Эра». Он заметил, что недоросток не отошел назад к лифту, как следовало ожидать, но по-прежнему не отстаёт от него ни на шаг. Гилеад обдумал это обстоятельство. Агент мог быть действительно тем, кем он казался: просто городским подонком, время от времени сочетающим воровство со своим легальным занятием. С другой стороны...

Он решил разгрузиться. Свернул внезапно ко входу в драгстор и, перешагнув порог, остановился, чтобы купить газету. Пока для него отпечатывали копию, он взял с прилавка, как будто бы его вдруг осенило, три стандартных цилиндрика для пневматической почты. Заплатил за них, а резиновый штампик для отпечатки адресных наклеек незаметно зажал в ладони.

Взглянув на зеркальную стену, Гилеад убедился, что его преследователь топчется на улице и продолжает наблюдать за ним. Гилеад отступил к содовому фонтанчику и проскользнул в незанятую кабину. Хотя в это время вовсю шло представление – в высшей степени соблазнительная исполнительница стриптиза разоблачалась до последней нитки бус, – он задержал занавеску.

Вскоре слабо вспыхнул сигнальный огонек над входом, он откликнулся:

– Войдите!

К нему за занавеску вошла симпатичная и очень юная официанточка. Пластиковый костюмчик прикрывал ее, не пряча ничего. Она осмотрелась.

– Вы скучаете?

– Нет, спасибо, я устал.

– А как насчет рыженькой? Такая умница...

– Я в самом деле устал. Принесите мне две бутылки пива, неоткупоренные, и два соленых кренделька.

– Как угодно, парнишка.

Она вышла.

Гилеад молниеносно открыл свой чемодан, выбрал девять кассет с микроплёнкой и загрузил их в три цилиндрика, каждый из которых вмещал три обычных кассеты. Затем Гилеад взял стянутую почтовую наклейку, написал адрес: «Рэймонду Кэлуну, П.О., ящик 1060, Чикаго» и начал с великим тщанием обрабатывать прямоугольничек, оставленный для электроглаза сортировщика. Адрес он составил из символов, предназначенных не для чтения, а для распознавания автоматом. Написанный от руки адрес был только предосторожностью на случай, если робот-сортировщик забракует его изображенные от руки символы как неразборчивые и вручит цилиндрик почтовому клерку-человеку для переадресовки.

Работал он быстро, но с аккуратностью гравера. Официантка вернулась прежде, чем он закончил. Его предупредил о ее приходе сигнальный огонек; Гилеад прикрыл наклейку локтем.

Ставя перед ним пиво и блюдо с крендельками, она взглянула на почтовые цилиндрики:

– Хотите, чтобы я это отправила?

Какую-то долю секунды он колебался. Выходя из туннеля, он хорошенько убедился: во-первых, что на личность Джоэла Абнера, коммивояжера, никто не обратил внимания; во-вторых, что превращение Абнера в Гилеада было выполнено так, что не возбудило ни в ком ни малейших подозрений. Эпизод с карманным воришкой не встревожил его, но заставил пересмотреть два пункта, которые из хорошо рассчитанных и неоспоримых превратились в недоказанные изменчивые величины. Он заново их проверил, и теперь они снова сделались постоянными величинами, но с противоположным знаком. С момента как он обнаружил своего недавнего носильщика, агента «Новой Эры», стоящим за дверью этого самого драгстора, подсознание Гилеада громко подавало сигналы тревоги, точно автомат, предупреждающий

кражу со взломом.

Стало ясно не только то, что его выследили, но и то, что они действуют с таким тщанием и ловкостью, каких он не предвидел.

Но можно с математической точностью доказать, что девушка здесь ни при чем. Не могли же они предвидеть, что он выберет именно этот драгстор и свернет в него. Вообще-то они могли бы использовать ее – ведь с тех пор как он впервые вступил с ней в контакт, она какое-то время была вне поля его зрения. Но она явно не достаточно умна, несмотря на свою кошачью утонченность, и трудно поверить, что к ней подобрались, подкупили, проинструктировали за тот краткий промежуток времени, который нужен для того, чтобы принести две бутылки пива, и чтобы она сумела сообразить, как воспользоваться неожиданной ситуацией. Нет, эта девица просто за чаевыми охотится. А потому она не опасна.

Но наряд ее не давал возможности спрятать три почтовых цилиндрика, да и небезопасно для нее будет пробираться сквозь толпу по дороге на почту. Не было у него желания, чтобы завтра утром ее нашли мертвой в канаве.

– Нет, – ответил он. – Мне все равно мимо почты идти. Но спасибо, что вы об этом подумали. Вот, – он дал ей полкредита.

– Спасибо.

Она ждала и со значением глядела на пиво. Он снова порылся в кармане для мелочи, отыскал всего несколько монеток, потянулся за бумажником и вытащил из него банкнот в пять плутонов.

– Возьмите себе отсюда.

Она вернула ему сдачи три бумажки по одному плутону и мелочь. Он подвинул к ней мелочь, потом, похолодев, стал ждать, когда она соберет ее и выйдет. Тогда только он поднес бумажник к глазам.

Это был не его бумажник.

«Мог бы заметить раньше», – упрекнул он себя. Хотя прошла всего секунда с того момента, как он вытащил бумажник из скрюченных пальцев агента гостиницы, до мгновения, когда он сунул его в свой нагрудный карман, ему нужно было это понять – понять и заставить агента вернуть настоящий бумажник, даже если для этого пришлось бы с него живого содрать шкуру.

Но почему же он так уверен, что это не его бумажник? Он точно такого же размера и формы, весит столько же и точно такой же на ощупь – настоящая страусовая кожа в эту эпоху синтетики. Вот застарелое чернильное пятно – из-за того, что Гилеад положил его в один карман с ручкой, которая текла. А здесь видна царапина в форме буквы «У» – с таких давних времен, что он не мог припомнить обстоятельств, при которых она появилась.

И все же – это не его бумажник.

Он снова открыл его. Количество денег в точности то же, его карточка Клуба Исследователей и другие его идентификационные карточки, истрепанная фотография кобылы, когда-то ему принадлежавшей. И все же – чем больше предметов подтверждало, что бумажник принадлежит ему, тем больше он убеждался, что это не так. Вещи были поддельными, от них несло фальшью.

Был способ убедиться в этом. Гилеад щелкнул хитроумно устроенным выключателем: кабина погрузилась в темноту. Он вынул перочинный ножик и осторожно разрезал шов на задней стороне отделения для банкнот. Засунул палец в потайной карман, скрытый таким образом, – там было пусто. За исключением этого обстоятельства, дубликат его собственного бумажника изготовлен в совершенстве; карман должен быть заполнен, но пальцы Гилеада нащупывали только грубую кожу.

Капитан снова зажег свет, убрал бумажник и возобновил прерванную работу над адресом.

Досадно, что пропала карточка, которая лежала в потайном кармашке, это определенно его крупный промах, просто настоящая беда, но вряд ли есть риск, что обнаружится заключенная в карточке информация. Сама по себе она ни о чем не говорит, если только не рассматривать ее при «черном» освещении; если же она попадает на «белый» свет – например, вдруг кто-то разрежет его бумажник на части, – на такой случай она имеет приводящую кого угодно в замешательство способность неожиданно вспыхивать пламенем.

Он продолжал работать над адресом, решая тем временем более общую проблему – почему же они действовали так сложно, принимая меры, чтобы он не понял, что его бумажник все-таки украден; и еще более трудноразрешимый вопрос: зачем они обременили себя его бумажником. Закончив, он засунул остатки наклейки в щель кабины, зажал в ладони заготовленный ярлычок с адресом, взял чемодан и три почтовых цилиндрика. Он держал цилиндрики, отдавая один из них пальцем.

В драгсторе, считал он, никакого нападения не последует. Людное пространство, отделяющее его от почты, тоже можно было бы считать безопасным – но не сегодня. Он знал, что в такой большой толпе люди способны стать свидетелями не более, чем такое же количество деревьев, – в случае, если противник воспользуется утяжеленными свинцом костями, то есть, прибегнет к отвлекающему маневру.

Он пересек боковую дорожку и устремился прямо к почтовому отделению, стараясь держаться как можно дальше от прохожих, и тут же заметил, что какие-то двое устремились к нему – и началось то, чего он ожидал.

Вспыхнул ослепительный свет, раздался оглушительный взрыв, сопровождаемый воем и испуганными криками. Что взорвалось – Гилеад догадывался, а вой и крики, без сомнения, совершенно непринужденно издавала публика. Придя в некоторое замешательство – не только из-за взрыва, но из-за всего сразу, – он, однако, даже не повернул головы.

Те двое поспешно приблизились, как по сигналу.

Большинство животных и почти все люди начинают драку только после того, как их толкнут, что лишает их определенного преимущества. Эти двое не сделали ни одного агрессивного жеста, только приблизились. Они не успели броситься на него.

Гилеад ударил первого из них в коленную чашечку боковой частью ступни – гораздо более ощутимый удар, чем нанесенный носком. Одновременно он обрушил на второго свой чемодан, не причинив тому особого вреда, но перехватив у него инициативу. Затем он с силой нанес этому второму удар в живот.

Тот, кому он повредил колено, лежал на мостовой, но все еще проявлял активность, он доставал что-то, пистолет или нож. Гилеад дал ему по голове и, перешагнув через него, снова устремился к почтовому отделению.

Не спешить! Не спешить! Нельзя производить впечатление, будто удираешь; надо выглядеть вполне респектабельным гражданином, который спокойно идет по своим законным делам.

Почтовое отделение уже совсем близко, и все еще никто не опустил руку ему на плечо, никакого грозного окрика, никаких торопливых шагов сзади. Он добрался до почтового отделения, вошел в него. Отвлекающие трюки противника в совершенстве сыграли свою роль – но для Гилеада, а не для них.

У адресной машины – небольшая очередь. Гилеад встал в хвост, достал ручку и написал адреса на цилиндриках. Почти тотчас еще один человек пристроился за ним; Гилеад не старался скрыть от него, что за адрес он написал: «Капитан Джозеф Гилеад, Клуб Исследователей, Нью-Йорк». Когда подошла его очередь пользоваться шифровальной печатной машиной, он опять-таки не скрываясь отпечатал адрес для автомата соответствующий тому, который был написан

от руки на каждом цилиндрике.

Он работал с некоторой неловкостью, так как в левой руке у него была спрятана заранее изготовленная наклейка с адресом.

Он отошел от машины, отпечатающей адреса, к той, которая принимала почту; человек, стоящий за ним в очереди, последовал туда тоже, даже не сделав вида, что печатал что-то.

Вж-жик! – и первый цилиндрик исчез с приглушенным всхлипом сжатого воздуха. Вж-жик! еще раз, – и второй исчез, – и все это время Гилеад, держа в ладони последний из них, прижимал самодельную наклейку поверх того адреса, который он только что отпечатал. Не глядя, на ощупь, он убедился, что наклейка на месте, все уголки пристали плотно, и тогда – вж-жик! – и этот цилиндрик последовал за первыми двумя.

Гилеад стремительно обернулся и тяжело наступил на ноги человеку, который топтался сзади.

– Уу-ух ты! Извините меня, – радостно произнес он и свернул в сторону.

Ему стало весело: удалось не только вручить свой опасный груз бездумной, абсолютно надежной автоматической машине, которую нельзя ни к чему-то принудить, ни подкупить, ни одурманить наркотиками, ни развратить каким-то иным способом и в сложном устройстве которой цилиндрик будет надежно упрятан, пока не достигнет места своего назначения, известного только Гилеаду, – но еще и наступить на мозоли одному из своих противников.

На крыльце почтового отделения он задержался возле полисмена, который ковырял в зубах, не сводя глаз с кучки народа и машины «скорой помощи» посреди улицы.

– Что случилось? – спросил Гилеад. Фараон переместил зубочистку.

– Сначала какой-то распроклятый идиот запускает фейерверк, – ответил он, – а потом двое парней начинают драться и чуть не приканчивают друг друга.

– Бог ты мой! – откомментировал это сообщение Гилеад и направился через улицу к отелю «Новая Эра».

В вестибюле он как следует огляделся в поисках «друга», сидевшего у него на хвосте, но не обнаружил того. Гилеад сомневался, что этот недоросток числится в гостиничном штате. Он зарегистрировался под именем капитана Гилеада, заказал номер из нескольких комнат, подобающий той персоне, которую изображал, и позволил проводить себя к лифту.

Агента, который только что опустил, он заметил, когда сам со служителем собирался подниматься.

– Эй, коротышка, – окликнул он его, одновременно принимая решение ничего не есть в этом отеле. – Как дела?

Недоросток, кажется, вздрогнул, потом прошел мимо, не отвечая, с ничего не выражающим взглядом. Вряд ли, размышлял Гилеад, этого недоростка стали бы еще использовать после того, как его выследили, следовательно, какой-то связующий почтовый ящик, или явка, или штаб-квартира его врагов должна быть прямо здесь, в отеле. Прекрасно, это избавит от необходимости лишней езды туда-сюда – и всем будет приятно!

Между тем нужно принять ванну.

Оказавшись в номере, Гилеад сунул чаевые сопровождающему, который медлил уходить.

– Вам нужна компания?

– Нет уж, благодарю. Я отшельник.

– Тогда попробуйте это.

Служащий вставил ключ от комнаты Гилеада в стереопанель, поманипулировал клавишами, вся стена осветилась и исчезла. Разгоряченная блондинка, за спиной у которой виднелся целый хор, стоящий в ряд, казалось, сейчас так и выпрыгнет прямо на колени Гилеаду.

– Это не запись, – похвастался служащий, – это живая передача прямо из Тиволи. У нас

лучшее оборудование в городе.

– Да уж, – согласился Гилеад и вытащил ключ. Картинка побледнела и исчезла, музыка умолкла. – Но я хочу принять ванну, так что испарись – теперь, когда ты израсходовал четыре кредита из моих денег.

Служащий пожал плечами и удалился. Гилеад сбросил одежду и пошел в ванную. Через двадцать минут, как следует выбритый, насыщенный влагой, освеженный душем, бодрый от бивших в него струй, оттертый от грязи от ушей до кончиков пальцев ног, надушенный, напудренный и чувствующий себя на десять лет моложе, он вышел оттуда. Его одежда исчезла. Чемодан стоял на прежнем месте, Гилеад осмотрел его. Кажется, и сам чемодан, и его содержимое были в порядке. Количество кассет с микропленками – то же что и было, вообще-то это не имело значения. Важны были только три кассеты, а они уже передаются по почте. Куча остальных – записи его собственных публичных лекций. Тем не менее, он стал изучать одну из них, вытащив пленку на несколько кадров.

Да, это действительно была его лекция – но вовсе не та, которую он захватил с собой, а одна из записей, какую можно раздобыть в любом большом книжном магазине.

– Чудеса какие-то, – буркнул он и сунул пленку обратно. Такое внимание к деталям было просто восхитительно.

– Местное обслуживание?

Панель обслуживания осветилась:

– Да, сэр!

– У меня пропала одежда. Верните ее мне.

– Ее взял лакей, сэр.

– Я не просил лакея меня обслуживать. Верните одежду.

После некоторой паузы девушку на экране сменил мужчина:

– Нет необходимости просить лакея обслужить вас, сэр. Гость «Новой Эры» получает все самое лучшее.

– О'кей, верните мне все – да пошевеливайтесь! У меня свидание с царицей Савской.

– Прекрасно, сэр. – Изображение растаяло. Криво усмехаясь, Гилеад обдумывал ситуацию. Он уже сделал самую роковую ошибку, какую только мог – теперь это понятно, – недооценив противника, воплотившегося в неприметной личности недоростка. Он допустил, чтобы его провели: да ему следовало остановиться где угодно, только не в «Новой Эре», даже в добром старом «Савое», хотя уж тот-то отель известен как постоянное прибежище капитана Гилеада, и вероятнее всего, там сейчас устроена такая же прочная ловушка, как и в этом великолепном притоне.

Можно не сомневаться, что жить ему осталось недолго. И он должен использовать оставшиеся минуты, чтобы сообщить боссу куда отправлены те важные кассеты с микрофильмами. Затем, если он все-таки останется в живых, ему необходимо пополнить кошелек, чтобы иметь возможность действовать – денег в его бумажнике, даже если бы он и вернули, было недостаточно для какого-то крупного акта. В-третьих, он должен послать донесение, завершить настоящее задание, и пусть тогда враги рассматривают его как отдельный случай, не связанный с микрофильмами.

Он вовсе не собирался бросать Недоростка и Компанию, даже если бы это не имело значения для выполнения задания. Ничего себе артисты – хотят его поймать на таком простом трюке, как похищение штанов! Этим они ему понравились, и захотелось увидеть еще кого-нибудь из компании, чтобы схватиться с ним посерьезнее.

Когда изображение на панели комнатного обслуживания погасло, Гилеад начал колотить по клавишам на доске комнатного коммуникатора. Возможно – определенно возможно, – что

тот код, который он использует, будет передан по всему отелю и предполагаемая интимность, достигаемая его употреблением, таким образом нарушится. Неважно: он добьется того, что босс разъединится и вызовет его другим шифром с противоположного конца. Вообще-то, конечно, та станция, к которой он прорывается, таким образом будет раскрыта, но стоит пожертвовать одной станцией связи ради того, чтобы передать сообщение.

Он стал вызывать – не Новый Вашингтон, но ту самую станцию связи, которую он выбрал. На экране возникло лицо девушки.

– Служба «Новой Эры», сэр. Вы пытались с кем-то связаться?

– Да.

– О-очень извиня-аюсь, сэр. Линия зашифрованной связи ремонтируется. Я могу передать сообщение по главному каналу.

– Нет, благодарю вас. Я позвоню, открытым кодом.

– О-очень извиня-аюсь, сэр...

Существовал только один открытый код, которым он мог воспользоваться – только в случае полного провала. Это и был полный провал. Ладно...

Он набрал открытый код, подождал. Через некоторое время появилось лицо той же самой девицы.

– О-очень сожалею, сэр, номер не отвечает. Могу я вам помочь?

– Вы могли бы отправить, почтового голубя.

Он отключил экран.

Теперь ощущение холодка на загривке у Гилеада усилилось; он решил, что сделает все, что в его силах, чтобы пока помешать убить себя. Порывшись в памяти, он попытался вызвать «Звездные времена».

Никакого ответа.

Он попробовал «Горн» – снова не получил ответа.

Нет смысла биться головой об стенку; ему не дадут поговорить ни с кем за пределами отеля. Гилеад нажал кнопку вызова лакея, уселся в кресло, включил его на «легкий массаж» и блаженно наслаждался нежными прикосновениями. Да, вне всякого сомнения, в «Новой Эре» действительно лучшее механическое обслуживание в городе – ванная была великолепна, это кресло – одно удовольствие. Недавний аскетизм Лунной Колонии и сознание того, что это, возможно, последний массаж в его жизни, усиливали наслаждение.

Дверь распахнулась, вошел служащий, – Гилеад отметил, что он примерно его роста. Брови вошедшего приподнялись почти на дюйм, когда он увидел, что Гилеад обнажен, точно устрица, лишенная раковины.

– Вам нужна компания?

Гилеад вскочил и двинулся к нему.

– Нет, милый, – ответил он, улыбаясь. – Мне нужен ты, – и с этими словами ткнул его тремя вытянутыми пальцами в солнечное сплетение.

Когда человек со стоном рухнул на пол, Гилеад стукнул его по шее ребром ладони.

Пиджак оказался узковат в плечах, а ботинки великоваты, тем не менее, через две минуты «капитан Гилеад» последовал за «Джоэлом Абнером» по тропе забвения, а из номера бодро вышел человек свободной профессии временно работающий в гостинице, Джо, сожалеющий о том, что не смог оставить чаевые своему предшественнику.

Он неторопливо прошел мимо пассажирских лифтов, уверенно направил по ложному пути какого-то постояльца, который его остановил, и отыскал грузовой лифт. Рядом была дверь с надписью: «Быстрый спуск». Он открыл ее, потянулся и ухватился за ремень блока, висевший наготове; не задерживаясь для того, чтобы пристегнуться, он удовольствовался тем, что повис на

нем, и ступил на край. Прошло куда меньше времени, чем потребовалось бы для спуска в шахту на парашюте, а он уже поднимался с мягкого амортизатора в подвале отеля, размышляя о том, что лунная гравитация черт-те что творит с мускулами ног.

Он покинул помещение, в котором приземлился, и двинулся в произвольном направлении, но при этом шел с таким видом, будто идет по делу и находится именно там, где ему следует быть – любой выход для него сгодится, а уж какой-нибудь он со временем отыщет.

Так он и бродил взад и вперед по громадному подсобному помещению, а потом нашел дверь, через которую в кладовую подавались продукты.

Когда же он подошел на тридцать футов к двери, она захлопнулась и раздался сигнал тревоги. Пришлось повернуть назад.

В одном из многих коридоров под гигантским отелем он натолкнулся на двух полисменов и попытался проскользнуть мимо них. Один из них вылупился на него, потом вдруг схватил его за руку:

– Капитан Гилеад...

Гилеад попытался улизнуть, но попытка не удалась.

– В чем дело?

– Вы капитан Гилеад.

– А ты моя тетушка Сэди. Отпусти мою руку, фараон.

Полисмен пошарил в кармане свободной рукой, вытащил записную книжку. Гилеад заметил, что другой офицер отодвинулся на безопасное расстояние в десять футов и нацелил на него пистолет Маркхейма.

– Капитан Гилеад, – прогудел первый офицер, – вы обвиняетесь на основании жалобы свидетеля в том, что воспользовались фальшивым пятиплутоновым банкнотом около тринадцати часов сегодня в драгсторе Главной улицы этого города. Мы предупреждаем вас – не оказывайте сопротивления, и советуем все это время не произносить ни слова. Следуйте за нами.

Обвинение может быть основательным или безосновательным, подумал Гилеад, он же не проверил как следует, что за деньги были в подменном бумажнике. Он не возражал, чтобы его зацапали, поскольку микрофильма при нем нет; что ж, обыкновенный полицейский участок, где не будет ничего более зловещего, чем жуликоватые фараоны и молчаливые дежурные сержанты, все-таки меньшее зло по сравнению со встречей с Недоростком и Компанией.

С другой стороны, ситуация вполне благоприятна только в том случае, если полиция, выслеживая его, не обнаружила раздетого служащего гостиницы, не услышала его рассказа и не начала розыск.

Второй полисмен не приблизился ни на шаг и не опустил пистолет. Это обстоятельство делало все рассуждения чисто теоретическими.

– О'кей, пойду. – Он запротестовал: – Нечего мне руку выкручивать.

Они поднялись на уровень земли и вышли на улицу – и второй полисмен ни на секунду не опустил пистолет. Гилеад расслабился и выжидал. У поребрика стояла полицейская машина.

– Я прогуляюсь, – заявил Гилеад. – Ближайшее отделение за углом. Хочу, чтобы мне предъявили обвинение в моем участке.

Он ощутил ломящий зубы холод, когда его стукнули рукояткой «маркхейма», покачнулся и упал лицом вниз.

Он начал приходить в себя, но еще не мог координировать движения. В этот момент его вытаскивали из машины. Пока его наполовину вели, а наполовину несли по длинному коридору, Гилеад почти пришел в себя, но в памяти был провал. Его впихнули в какую-то комнату, дверь захлопнулась за ним. Он выпрямился и огляделся.

– Привет, дружище, – обратился к нему звучный голос. – Подвинь-ка свое кресло к огню.

Гилеад моргнул, неторопливо опустился на стул и глубоко вздохнул. Его здоровое тело перебороло удар «маркхейма», он опять стал самим собой.

Комната оказалась камерой – старомодной, почти примитивной. Передняя стена и дверь из стальной сетки, остальные стены – бетонные. Единственную мебель, длинную деревянную скамью, занимал человек, который с ним разговаривал. Ему было лет пятьдесят, сложение массивное, тяжелые черты лица застыли в пронизательном доброжелательном выражении. Он лежал на спине на скамье, подложив под голову вместо подушки руки, с непринужденностью отдыхающего животного. Гилеад видел его раньше.

– Привет, доктор Болдуин.

Человек уселся с крайней экономией движений, так чтобы как можно меньше двигать туловище.

– Я не доктор Болдуин – я вообще не доктор, хотя мое имя – Болдуин. – Он уставился на Гилеада. – Но я вас знаю – видел кое-какие из ваших лекций.

Гилеад поднял бровь:

– Человек, появившийся в обществе Теоретической Физики без докторской степени, показался бы голым, а вы присутствовали на последнем собрании.

Болдуин радостно хмыкнул:

– Все понятно – должно быть, там присутствовал мой кузен с отцовской стороны, Хартли М. – надутый гражданин Хартли. Попытаюсь оправдать свою фамилию теперь, когда я с вами познакомился, капитан. – Он протянул громадную руку: – Грегори Болдуин, для друзей Котелок Болдуин. Новые марки вертолетов и их использование – вот единственное, что меня сближает с теоретической физикой. Котелок Болдуин, Король Геликоптеров – вы, должно быть, видели мои афиши.

– Теперь, когда вы об этом сказали, припоминаю, что видел.

Болдуин вытащил визитную карточку.

– Вот. Если понадобится, я тебе сделаю десятипроцентную скидку за то, что ты знаком со стариной Хартли. В самом деле я могу тебе устроить «кертисс», всего только прошлого года, семейная машина без единой царапины.

Гилеад взял карточку и снова сел.

– Не сейчас, спасибо. Странная же у вас контора, мистер Болдуин.

Тот снова хмыкнул:

– В течение долгой жизни подобные вещи случаются, капитан. Я же тебя не спрашиваю, почему ты здесь или что ты делаешь в этом обезьяньем костюмчике. Называй меня Котелком.

– О'кей.

Гилеад поднялся и подошел к двери. Напротив камеры – голая стена без окон и дверей, поблизости никого не было видно. Он посвистел, потом покричал – никакого ответа.

– Что тебя гложет, капитан? – мягко спросил Болдуин.

Гилеад повернулся. Его сокамерник спокойно раскладывал на скамье пасьянс.

– Хочу вызвать надзирателя и потребовать адвоката.

– Не трудись понапрасну. Давай-ка сыграем в картишки. – Он пошарил в кармане. – У меня еще вторая колода есть – как насчет русского банка?

– Нет уж, спасибо. Мне нужно отсюда выбраться.

Гилеад снова закричал – и опять никакого ответа.

– Да не трать ты задаром свои легкие, капитан, – посоветовал Болдуин. – Они придут тогда, когда им заблагорассудится, и ни секундой раньше. Я-то знаю. Давай, сыграем, так время быстрее идет.

Болдуин, кажется, смешал обе колоды вместе. Гилеад видел, как он начал их перетасовывать. Эта хитрость его заинтересовала, он решил сыграть – поскольку очевидна была правота Болдуина.

– Если тебе русский банк не по нраву, – продолжал Котелок, – вот тебе игра, я научился ей, когда пацаненком был. – Он сделал паузу и уставился прямо в глаза Гилеаду. – Она и поучительна, и развлекательна, и при этом достаточно проста, если только ухватишь суть. – Он начал сдавать карты. – Двумя колодами лучше играть, потому что черные масти значения не имеют. Считаются только двадцать шесть красных карт из каждой колоды, вперед идут черви. Каждая карта соответствует своему положению в колоде следующим образом: туз червей – единица, а король червей – тринадцать, туз бубен – четырнадцать, и так далее. Усек?

– Да.

– А черные не считаются. Просто пустые места... промежутки. Сыграем?

– А правила-то какие?

– Первый кон просто так сыграем, ты все моментально поймешь. А после, как усечешь, на полставки сыграем, по десять монет на ставку. – Он перетасовал карты и быстро стал выкладывать их рядком, по пять карт в каждом. Помолчал, закончив: – Вот моя сдача, а ты соображай. Гляди, что получается.

Было очевидно, что подобная сдача расположила красные карты в определенные группы, но не было пока видно смысла данных комбинаций, а ставка была ни достаточно высокой, ни низкой. Гилеад воззрился на карты, пытаясь угадать, в чем тут дело. Жульничество казалось слишком явным, чтобы Болдуин мог что-то из него извлечь.

Вдруг Гилеада осенило, карты отчетливо заговорили с ним. Он прочел:

ХОНИХ

МОГУТ

ХНАСХ

ВИДЕТ

ХСЛЫШ

То обстоятельство, что в ряду было всего пять красных карт, влияло на правописание, но смысл был ясен. Гилеад потянулся к картам.

– Попробую. Я могу их побить. – Он достал мелочь, принадлежавшую владельцу костюма. – Вот десять монет.

Болдуин смешал карты. Гилеад перетасовал, еще меньше прикидываясь, чем Болдуин. Он выложил:

ВХЧЕМ

ХХХХХ

ХТВОЯ

ИГРАХ

ХХХХХ

Болдуин протянул ему деньги и сделал новую ставку.

– О'кей, моя очередь отыгрываться.

Он выложил:

ЯХХХХ

ХНАХХ

ТВОЕЙ

СТРНЕ

ХХХХХ

– Опять я в выигрыше, – весело объявил Гилеад. – Делай ставку.

Он сгреб карты и повозился с ними:

ХХХХХ

ХТЫХХ

ДОКЖИ

ХХЭТО

ХХХХХ

Болдуин прочел и сказал:

– Слишком уж ты для меня проворный. Давай карты. Он положил еще одну мелкую монетку и снова разложил карты:

ХХЯХХ

ПОМГУ

ХТЕБЕ

ВЫЙТИ

ОТСДА

– Надо было мне сначала снять, – посетовал Гилеад, подталкивая монетку. – Давай-ка ставки удвоим.

Болдуин хмыкнул. Гилеад разложил:

ЧЕПХА

ХХМНЕ

ТЮРМЕ

ЛУЧШЕ

ХХХХХ

– Ну, больше тебе не везет! – выдохнул Болдуин. – Давай еще ставки удвоим!

Следующая сдача:

Болдуин ответил:

ХЭТОХ

ВОВСЕ

ХХХНЕ

ТЮРМА

ХХХХХ

ХХХХХ

ТРЕПЛ

ЕШЬСЯ

ДРУГХ

ХХХХХ

ХХЭТО

ОТЕЛЬ

НОВАЯ

ХХЭРА

ХХХХХ

Пока он снова перетасовывал карты, Гилеад обдумывал эту новую информацию. Он готов был поверить в то, что его прячут где-то в отеле «Новая Эра». В самом деле, предположение, что его противники допустили, чтобы два обыкновенных фараона убрали его в нормальную городскую каталажку, было совершенно неправдоподобным, если только эта каталажка у них не под контролем, как и весь отель, вероятно. Тем не менее, этот факт пока не доказан. Что до Болдуина, то он вполне мог держать сторону Гилеада; но наиболее вероятно, что его подсадили как агента-provokatora, а может, он просто работает сам на себя.

Перестановки создавали шесть ситуаций, только одна из которых делала приемлемой помощь Болдуина в побеге из заключения, причем как раз эта ситуация была наименее вероятна.

Тем не менее, хотя он считал Болдуина лжецом и опасался ловушки, он решил в порядке эксперимента согласиться. Статичная ситуация не давала ему никаких возможностей, динамичная же – любая динамичная ситуация – может повернуться так, что он будет в выигрыше. Но нужны еще факты.

– Эти карты прилипчивые, как леденцы, – пожаловался он. – Ты дашь еще своим денежкам побегать туда-сюда?

– Идет.

Снова выложил карты Гилеад:

ХХХХХ

ПОЧМУ

ХХЯХХ

ХТУТХ

ХХХХХ

– Чертовски тебе везет, – покачал головой Болдуин и ответил:

ФИЛМЫ

УШЛИХ

ХДОХХ

КАКТЫ

ПАЛСЯ

Гилеад собрал карты и был готов «сдавать», когда Болдуин сказал:

– Ну, ну, урок окончен. – В коридоре послышались шаги. – Удачи тебе, парень, – добавил Болдуин.

Болдуин знает о микрофильмах, но не использовал ни одного из десятков способов дать понять, что он принадлежит к организации Гилеада. Стало быть, он подсажен сюда противником или же относится к какой-то третьей стороне.

Что еще важнее, тот факт, что Болдуину известно о фильмах, доказывает истинность его утверждения: тут не тюрьма. А это, как ни горько осознавать, означало, что у него нет шанса уйти отсюда живым. Шаги, приближающиеся к камере, могут отстукивать последние секунды его жизни.

Он понял теперь, что необходимо было найти способ сообщить, куда отправлены фильмы, прежде чем войти в «Новую Эру». Но Шалтай-Болтай уже свалился со стены, энтропия всегда увеличивается – а пленки должны быть доставлены.

Шаги звучат уже совсем рядом.

Болдуин, возможно, выйдет отсюда живым.

Но кто такой Болдуин?

Тем временем Гилеад «перетасовал» карты. Все это – еще не конец; он должен найти такой ход, который будет содержать в себе сообщение. С потолка спустился паук и уселся на руку Болдуину. Вместо того чтобы смахнуть и раздавить его, тот с крайней осторожностью протянул руку к стене, дотронулся до нее и заставил паука спуститься на пол.

– Уйди-ка ты лучше с дороги, коротышка, – сказал он ласково, – а то еще один из больших мальчиков на тебя наступит.

Этот инцидент, казалось бы, мелкий, укрепил решение Гилеада и изменил судьбу планеты. Он встал и вручил колоду Болдуину.

– Я тебе должен десять шестьдесят, – заявил он. – Запомни хорошенько – а я погляжу, кто такие наши посетители.

Шаги остановились у самой двери камеры. Их было двое, одетых не полицейскими и не стражниками: маскарад закончился. Один благоразумно стоял позади, прикрывая маневр «маркхеймом», второй отпер дверь.

– К стене, Жирный, – приказал он. – Гилеад, выходи. И чтоб без шуток у меня, не то после того, как мы тебя заморозим, я тебе зубы вышибу – просто для забавы.

Болдуин прижался к стене, Гилеад медленно вышел. Он готов был воспользоваться малейшей возможностью, но тот, который командовал, сразу отступил, чтобы стоять между пленником и человеком с «маркхеймом».

– Пойдешь вперед – и медленно, – приказал он.

Гилеад подчинился, беспомощный при всех этих предосторожностях; нельзя было ни бежать, ни драться.

Когда все ушли, Болдуин вернулся на скамью. Он начал сдавать карты, как если бы собирался играть в одиночку. Вскоре он снова собрал их точно в том же порядке, в каком оставил их Гилеад, и положил в карман.

Он прочитал:

СОБЩИ

ХХФБСБ¹¹

ХХХДОЛГ

УХХ

НИХ

Двое охранников привели Гилеада в какую-то комнату и заперли за ним дверь, а сами остались снаружи. Он оказался у большого окна, выходящего в город, и ему видна была река; симметрично этому пейзажу, слева на стене, висело изображение лунной местности. Перед Гилеадом стоял богатый, рассчитанный на то, чтобы производить впечатление, начальственный письменный стол. Эти детали он воспринимал краешком своего сознания: его внимание сконцентрировалось исключительно на той особе, которая сидела за столом. Она была старая, но не дряхлая, хрупкая, но не беспомощная. Глаза – крайне живые, выражение лица – безмятежное. Полупрозрачные, хорошо ухоженные руки заняты вышиванием на пальцах.

На столе перед ней лежали два цилиндрика для пневматической почты, пара туфель и остатки одежды и пластика от чемодана.

Она подняла голову и спросила высоким приятным сопрано, подходящим для пения гимнов:

– Как поживаете, капитан Гилеад?

Гилеад поклонился.

– Хорошо, благодарю вас. А вы, миссис Кейтли?

– Я вижу, вы меня знаете.

– Мадам могла бы прославиться уже одними благотворительными делами.

– Вы так любезны! Капитан, я не стану отнимать у вас много времени. Я надеялась, что мы освободим вас не поднимая шума, но... – Она показала на два цилиндрика, лежащих перед ней. – ... Вы сами видите, что мы еще должны получить от вас кое-какие сведения.

– Ах, так?

– Полно, полно, капитан. Вы же отправили три кассеты. Эти две – только для отвода глаз, а третья еще не дошла до места назначения. Возможно, адрес был написан небрежно, и ее забраковали сортировочные машины. Если так, мы ее получим через должное время. Но более вероятным кажется предположение, что вы нашли какой-то способ изменить адрес – практически, мы в этом убеждены.

– Или, возможно, я подкупил вашего служителя.

Она слегка покачала головой.

– Мы его тщательно проверили прежде чем...

– Прежде чем он умер?

– Пожалуйста, капитан, не будем отвлекаться от темы. Я должна знать, куда вы отправили третью кассету. Вас нельзя загипнотизировать обычными средствами: у вас приобретенный иммунитет к гипнотизирующим наркотикам. Ваша терпимость к боли простирается за порог бессознательного состояния. Все это на вас уже испытывалось раньше, иначе вы не выполняли бы той работы, которую вам поручают; и я не стану затруднять никого из нас, обращаясь к этим методам снова. И все же – мне нужна та кассета. Какова ваша цена?

– Вы допускаете, что у меня есть цена?

Она улыбнулась:

– Если старая поговорка в иных случаях неверна, история их не регистрирует. Будьте же разумны, капитан. Несмотря на ваш признанный иммунитет к обычным формам допроса, есть способы разрушить – или изменить – человеческий характер настолько, что человек станет сговорчивым; способы, которым мы научились у комиссаров. Но они требуют времени, а женщина моего возраста не может долго ждать.

Гилеад с убежденным видом солгал:

– Дело вовсе не в вашем возрасте, мадам, а в факте: вы же знаете, что должны иметь эту кассету немедленно или вы не получите ее никогда.

Он надеялся – более того, он страстно желал, – чтобы у Болдуина хватило соображения посмотреть в карты и обнаружить его записку... и действовать согласно ей. Если у Болдуина ничего не получится и он, Гилеад, умрет, кассета застрянет в отделе невостребованных писем на почте и в свое время будет уничтожена.

– Вероятно, вы правы. Тем не менее, капитан, я прибегну к действующей на сознание технике, если вы на этом настаиваете. Что вы скажете на десять миллионов плутонов?

Гилеад поверил ей насчет техники. Он перебрал в уме те средства, при помощи которых связанный по рукам и ногам человек может без посторонней помощи покончить с собой.

– Десять миллионов плутонов – и нож мне в спину? – ответил он вопросом. – Будем же практичными.

– Вам будут даны убедительные гарантии до того, как вы заговорите.

– Даже если так, это не моя цена. В конце концов, вы-то стоите, по крайней мере, пятьсот миллионов плутонов.

Она наклонилась вперед:

– Вы мне нравитесь, капитан. Вы человек силы. Я старая женщина, наследников у меня нет. А что, если вам стать моим партнером – моим преемником?

– Журавль в небе!

– Нет, нет! Я в самом деле имею это в виду. Мой возраст и пол не позволяют мне активно обслуживать себя самой, я должна полагаться на других. Капитан, я так устала от неэффективных инструментов, от людей, которые допускают, что нужное ускользает у них из-под самого носа! Вообразите только! – Она сделала короткий злобный жест, сжав руку, как бы захватывая что-то когтями. – Мы с вами вместе могли бы многого добиться, капитан. Вы мне нужны!

– Но вы-то мне не нужны, мадам. И я ваше предложение не принимаю.

Она ничего не ответила и нажала кнопку у себя на столе. Дверь слева открылась, вошли двое мужчин и девушка. Гилеад узнал официанточку из драгстора на Главной улице. Ее раздели догола, что показалось ему излишним: ведь под ее рабочей формой совершенно невозможно было спрятать оружие.

Как только девушка оказалась в комнате, она начала энергично выражать протест на самых доступных ей высоких нотах, употребляя лексикон, не свойственный ни ее возрасту, ни ее полу – это было истерическое стихийное извержение, подобное вулканическому.

– Тихо, детка!

Взглянув на миссис Кейтли, девушка прервала поток ругани, застыла на месте, стала выглядеть еще более юной и задним числом вдруг осознала свою наготу. Она покрылась гусиной кожей, слезинка покатила, оставляя белый след на ее перепачканном лице, и остановилась на губе. Девушка слизнула ее и всхлипнула.

– Однажды вы оказались вне нашего наблюдения, – обратилась к Гилеаду миссис Кейтли, – и в течение короткого промежутка времени эта особа дважды с вами виделась. Поэтому мы допросим ее.

– Она знает не больше, чем птичка небесная, – покачал головой Гилеад. – Но действуйте – пять минут гипноза вас убедят.

– Ну уж нет, капитан! Гипноз не всегда бывает надежным: если она член вашей группы, гипноз безусловно не подействует. – Она сделала знак одному из мужчин, сопровождающих девушку, он подошел к шкафу и открыл его. – Я старомодна, – продолжала пожилая женщина, – и больше доверяю простым механическим способам, чем этим новейшим клиническим процедурам.

Гилеад увидел приспособления, которые мужчина доставал из шкафа, и кинулся к нему.

– Прекратите! – потребовал он. – Вы же не можете...

Он только сильно расшиб нос.

Мужчина не обратил на него никакого внимания. Миссис Кейтли сказала:

– Простите меня, капитан. Я должна была вас предупредить, что тут не одна комната, а две. Она разделена всего-навсего стеклом, но это особое стекло, и я пользуюсь этими комнатами для трудных переговоров. Нет нужды наносить себе повреждения, пытаюсь пробиться к нам.

– Минутку!

– Да, капитан?

– Ваше время истекает. Освободите эту девушку и меня сейчас же. Вы не понимаете, что город уже обшаривают несколько сот человек, разыскивая меня, и они не остановятся, пока не разберут на части панель за панелью!

– Не думаю. Человек, отвечающий описанию вашей внешности до последней подробности, занял место в ракете, отлетающей в Южную Африку, через двадцать минут после того, как вы зарегистрировались в отеле «Новая Эра». У него были все ваши удостоверения. Он не прибудет в Южную Африку, но обстоятельства его исчезновения будут указывать скорее на дезертирство, чем на несчастный случай или самоубийство.

Гилеад оставил эту тему.

– Чего вы собираетесь достичь надругательствами над этим ребенком? У вас есть все известные ей сведения; безусловно, вы не можете считать, будто мы способны доверять таким, как она!

Миссис Кейтли поджала губы.

– Если откровенно, то я и не собираюсь ничего узнавать у нее. Я хочу узнать кое-что у вас.

– Понятно.

Старший из мужчин вопросительно взглянул на начальницу, она сделала ему знак начинать. Девушка вылупилась на него бессмысленно, совершенно не понимая того оборудования, которое он устанавливал. Он со своим партнером приступил к делу.

Вскоре девушка вскрикнула и продолжала кричать в течение нескольких мгновений. Затем все прекратилось, потому что она потеряла сознание.

Ее привели в чувство: снова поставили на ноги. Она стояла, покачиваясь и тупо уставившись на свои бедные руки, навсегда изуродованные, непригодные более для выполнения даже тех ничтожных дел, которыми они привыкли заниматься. Кровь струилась с ее запястий и стекала на пластиковый брезент, который предусмотрительно постелил на пол второй мужчина.

Гилеад ничего не делал и ничего не говорил. Он хорошо понимал, что та кассета, которую он отставивал, содержит материалы, касающиеся миллионов человеческих жизней, и по сравнению с этим вопрос о данной девушке даже не стоял. Он тревожил глубинную часть его сознания, но Гилеад почти машинально отключил эту часть и некоторое время жил передними долями мозга.

Он намеренно запоминал лица, строение черепов и фигуры мужчин и классифицировал эти данные как «для личного пользования», затем перенес внимание на пейзаж за окном. Он уже отметил его во время интервью, но ему хотелось совершенно точно определить этот вид из окна. Гилеад откорректировал то, что видел, представив себе, что он смотрит прямо из окна, и решил, что находится на девяносто первом этаже отеля «Новая Эра» приблизительно в ста тридцати метрах от северной его оконечности. Это он классифицировал как «для служебного пользования».

Когда девушка скончалась, миссис Кейтли покинула комнату, не сказав Гилеаду ни слова. Мужчины собрали все, что осталось на брезенте, и последовали за ней. Вскоре двое охранников вернулись и, пользуясь прежним безотказным методом, отвели его в камеру.

Как только они ушли и Котелок Болдуин смог оставить свою позицию спиной к стене, он подошел и потрепал Гилеада по плечу.

– Эй, друг! Уж как я рад тебя видеть – я-то уже струхнул, считал – с тобой все. Как оно было? Тяжко?

– Нет, мне ничего не сделали, только задали несколько вопросов.

– Ты счастливчик. Иные из этих чокнутых фараонов в такие жуткие игры начинают играть, когда остаются с тобой наедине в задней комнате. А разрешили они тебе пригласить адвоката?

– Нет.

– Значит, они с тобой еще не закончили. Вот увидишь, парень.

Гилеад сел на скамью.

– А ну их к дьяволу! Хочешь, еще перекинемся в картишки?

– Не возражаю. Чувствую, что мне повезет.

Болдуин вытащил двойную колоду, провел пальцем по обрезу. Гилеад взял карты и сделал то же самое. Отлично! Они лежали в том же порядке, в каком он их оставил. Он снова провел большим пальцем по обрезу – так и есть, даже черные, в той же последовательности; очевидно, Котелок просто сунул их в карман, не глядя, не подозревая, что там написано последнее пожелание Гилеада. Он был убежден, что Болдуин не оставил бы записку в том же виде, если бы

он ее прочел. Так как Гилеад остался в живых, он с большим облегчением позволил себе так считать.

Перетасовав карты, он разложил их.

Первая комбинация гласила:

XXXXX

БЕЖАТ

СЕ ЧАС

XXXXX

ХЖЕХХ

– Вот это да! – воскликнул Болдуин.

– Делай ставку.

ХХТЫХ

ХХЧТО

XXXXX

РАСКО

ЛОЛСЯ

– Проедем, – объявил Гилеад и выложил:

ХХНЕТ

ХХНОХ

XXXXX

ДАВАЙ

БЕЖИМ

– Слишком уж тебе везет, – досадовал Болдуин. – Слушай – давай-ка удвоим ставки и назначим двойной выигрыш. Надо же мне получить шанс вернуть мои денежки.

Затем он выложил:

ХХХХХ

ТОГДА

ХХТЫХ

ХХХХХ

ХХИМХ

НУЖЕН

ЖИВЫМ

ДЕРЖС

– Не очень-то это тебе прибавило, да? – откомментировал Гилеад и начал собирать карты.

– Есть что-то ужасно забавное в человеке, который все время выигрывает, – проворчал Болдуин. Он пристально разглядывал Гилеада. И вдруг схватил его за запястье. – Так я и знал! – заорал он. – Ах ты дошлый картежник...

Гилеад вырвал руку:

– Ты что, бесстыжая ты жирная скотина!

– Поймал тебя! Поймал! – Котелок схватил то снова, они начали бороться, покатались по полу.

Гилеад обнаружил две вещи: этот неуклюжий нескладный человек был чрезвычайно искусен в любом виде нечестной борьбы и при этом умел убедительно симулировать борьбу, ничуть не вредя своему партнеру. Когда он захватывал нерв, рука его сжимала плоть в дюйме от нервного сплетения; его удары коленом приходились в мышцы бедра, а не в пах.

Болдуин сделал вид, что душит противника. Гилеад дал ему это изобразить. Великан ударил его открытой ладонью в подбородок, а не в адамово яблоко, и продолжал «душить».

В коридоре слышались быстрые шаги.

Гилеад бросил взгляд на охранников, когда они подбежали к двери. Они остановились: ствол «маркхейма» был слишком велик, чтобы пользоваться им сквозь стальные ячейки сетки; пуля не пройдет через отверстие. Очевидно, умиротворяющих бомб при них не было, потому что они колебались. Затем старший быстро отпер дверь, в то время как вооруженный «маркхеймом» отступил назад, чтобы занять позицию прикрытия.

Болдуин игнорировал их и не прекращал потока ругательств и оскорблений по адресу Гилеада. Он дал первому охраннику подойти к ним чуть ли не вплотную и внезапно шепнул Гилеаду на ухо:

– Глаза закрой!

После чего так же неожиданно замолчал. Даже сквозь веки Гилеад ощутил невероятно ослепительную вспышку света. И почти тут же, послышался глухой треск; он открыл глаза и увидел, что первый охранник лежит на полу, а голова его повернута под невероятным углом к телу.

– Человек с «маркхеймом» тряс головой; дуло его пистолета тоже подрагивало. Болдуин, пригнувшись, двинулся к нему. Слепленный охранник слышал его и выпустил заряд в сторону шума, – тот пролетел над головой у Болдуина.

Великан кинулся на него, оба упали. Снова послышался треск ломаемых костей, и появился еще один труп. Болдуин встал, сжимая «маркхейм», нацелив его в сторону коридора.

– Как твои глаза, парнишка? – спросил он заботливо.

– В порядке.

– Тогда подойди, возьми этот охладитель.

Гилеад подошел, взял «маркхейм». Болдуин побежал к тупиковому концу коридора, где было окно, выходящее в город. Окно не открывалось: за ним не было ступеньки, предназначенной для того, чтобы спуститься в вертолет. Он помчался назад.

Гилеад в эти секунды перетасовывал в уме открывшиеся возможности. События развернулись по плану Болдуина, не по его. В результате визита, в «комнату для интервью» миссис Кейтли он ориентировался в пространстве. Коридор и поворот налево приведут его к скоростному лифту. Очутившись в подвале, вооруженный «маркхеймом», он, конечно же, сможет пробиться наружу – с Болдуином позади, если тот пойдет за ним. Если же нет – что ж, слишком многое поставлено на карту.

Болдуин уже был в камере.

– Пошли! – прикрикнул на него Гилеад. Из-за поворота коридора выглянула чья-то голова, он кинулся к ней, и владелец головы полетел на пол.

– Уйди с дороги, парнишка! – прокричал ему Болдуин.

Он выпатил тяжелую скамью, на которой они «играли» в карты, и двинулся с ней по коридору прямо к запечатанному окну, набирая скорость с каждым шагом.

Самодельный таран тяжело ударился в окно. Пластик выпятился и лопнул, точно мыльный пузырь. Скамейка прошла насквозь и исчезла из виду, а Болдуин тем временем опустился на четвереньки, под его подбородком было сто футов пустоты.

– Парнишка! – завопил он. – Давай сюда! Живо! Гилеад бросился к нему, по пути выстрелив раза два. Он все еще не понимал, как Болдуин собирается отсюда выйти, но великан уже доказал, что обладал находчивостью и изобретательностью.

Болдуин засвистел сквозь пальцы и помахивал рукой. Грубо нарушая все городские правила уличного движения, какой-то вертолет отделился от вечерней толпы, снизился над переулком и приблизился к окну. Он парил в воздухе на достаточном расстоянии, чтобы не повредить крылья-лопасти. Летчик отворил дверцу, в воздухе зазмеилась веревка, и Котелок поймал ее. С невероятной скоростью он привязал ее к узлу оконного поляризатора, затем схватил «маркхейм».

– Ты первый, – приказал он. – Быстрее!

Гилеад опустился на колени и ухватился за веревку, летчик немедленно увеличил обороты пропеллера и наклонил корпус вертолета: веревка натянулась. Гилеад обрушился на нее всем своим весом и пополз к вертолету. Летчик подал ему руку, другой рукой продолжал управлять

машиной, как высококлассный наездник лошадей.

Вертолет дернулся, Гилеад повернул голову и увидел, как к нему подбирается Болдуин, точно жирный паук, движущийся по паутине. Пока он помогал великану, летчик перерезал веревку. Машина снова дернулась – и скользнула прочь.

В разбитом окне уже стояли люди.

– Удирай, Стив! – приказал Болдуин. Летчик дал верхним пропеллером другое направление и еще больше наклонил машину; вертолет, покачиваясь, помчался прочь. Летчик приноровил скорость к уличному движению и спросил:

– Куда?

– Веди его домой – и другим ребятам скажи, чтоб тоже домой возвращались. Да нет, ты и так занят – я сам им скажу.

Болдуин взгромоздился на второе пилотское сиденье и занялся рацией. Летчик встроил машину в уличный поток, дал задание автопилоту и раскрыл иллюстрированный журнал.

Вскоре Болдуин оставил рацию и вернулся в пассажирское отделение.

– Нужно иметь много вертолетов, чтобы быть уверенным, что поблизости всегда найдется хоть один, когда это тебе потребуется, – сказал он небрежно. – К счастью, у меня их целая куча. Да, кстати, это Стив Хэллидей. Стив, познакомься с Джо – Джо, как твоя фамилия?

– Грин, – ответил Гилеад.

– Здравствуйте, – бросил пилот и опять углубился в журнал.

Гилеад обдумывал ситуацию. Он не был убежден, что она для него улучшилась. Котелок, кто бы он ни был, конечно же, больше чем просто знаток вертолетов, и ему известно о пленках. Этот паренек, Стив, выглядит как безобидный юный экстрасерд, но ведь и сам Котелок с виду хороший болван. Гилеад подумал, сможет ли он одолеть их обоих, припомнил виртуозность Котелка в борьбе не по правилам и отказался от этой мысли. Может, Котелок и вправду на его стороне, целиком и полностью. До него доходили слухи, что Департамент пользовался более чем одним корпусом оперативников, и у него не имелось никаких доказательств того, что он сам находится на высшем уровне.

– Котелок, – продолжал он, – а ты не мог бы опустить меня на аэродром? Я чертовски спешу.

Болдуин оглядел его с головы до пят.

– Как скажешь. Но я думал, ты захочешь сменить эти штотки. В них ты заметный, что твой проповедник на вечеринке. А с монетой у тебя как?

Гилеад на ощупь пересчитал ту мелочь, которая лежала в кармане пиджака. Человек без денег выглядит подозрительно.

– Добираться будем долго?

– Может, еще минут десять.

Гилеад подумал об умении Котелка драться и решил, что рыба, плавающая в воде, не может стать более мокрой.

– О'кей.

Он откинулся назад и полностью расслабился. Через некоторое время снова повернулся к Болдуину:

– Кстати, а как ты ухитрился пронести туда эту ослепляющую бомбу?

Котелок хмыкнул:

– Я такой большой, Джо, такое громадное пространство приходится на мне обыскивать. – Он расхохотался. – Тебе будет смешно, если я тебе скажу, где она у меня была спрятана.

Гилеад сменил тему разговора:

– А вообще-то, как тебя угораздило туда попасть?

Болдуин сделался серьезным:

– Это длинная и сложная история. Вернись сюда как-нибудь, когда не будешь так дико спешить, и я тебе расскажу.

– Я так и сделаю – скоро.

– Отлично. Может быть, тогда я тебе и продам этот подержанный «кертисс».

Прозвучал сигнал автопилота, летчик опустил машину и посадил ее на крышу жилища Болдуина.

Болдуин сдержал слово. Он отвел Гилеада в свою комнату, послал за одеждой – которую доставили крайне быстро – и вручил Гилеаду такую пачку банкнотов, что хватило бы набить подушку.

– Можешь вернуть по почте, – сказал он.

– Верну лично, – пообещал Гилеад.

– Прекрасно. Будь осторожен на улицах. Иные из наших друзей могут там шастать.

– Буду.

Гилеад тронулся в путь небрежной походкой, будто он заходил к Болдуину по делу, но чувствовал себя куда менее уверенно, чем обычно. Болдуин продолжал оставаться для него загадкой, а в своих профессиональных делах Гилеад терпеть не мог загадок.

В вестибюле дома была будка с телефоном. Гилеад вошел, позвонил, потом воспользовался кодом другой станции связи, а не той, с которой хотел связаться сначала. Он дал номер будки и попросил оператора перезвонить ему. Через несколько минут он уже разговаривал со своим начальником в Новом Вашингтоне.

– Джо! Какого черта, где ты был?

– Потом, босс – выслушайте.

Из предосторожности пользуясь устным разговорным кодом, он сообщил начальнику, что пленки в почтовом ящике 1060, в Чикаго, и настаивал, что нужно сейчас же их вырывать.

Начальник отошел от экрана, потом вернулся.

– О'кей, уже сделано. Ну так что с тобой случилось?

– Потом, босс, потом, Тут снаружи наготове мои друзья, которым не терпится меня прикончить. Задержите меня чуть-чуть – и я получу дыру в голове.

– О'кей – доставь свою голову сюда. Мне нужен полный рапорт, жду тебя.

– Есть, – он отключился.

Гилеад вышел из будки, на душе у него полегчало, он ощущал удовлетворение, какое наступает после того, как успешно закончишь тяжелую работу. Он даже надеялся на то, что кто-то из его «друзей» покажется: ему хотелось дать пинка тем, кто этого пинка заслужил.

Но они его разочаровали. Он занял место в трансконтинентальной ракете без всяких тревог и проспал весь путь до Нового Вашингтона.

До Федерального бюро службы безопасности Гилеад добрался одним из многих секретных маршрутов и явился в кабинет босса. После беглого осмотра и контрольной проверки голоса его впустили. Бонн поднял голову и нахмурился.

Гилеад игнорировал недовольное выражение его лица: для босса хмуриться было обычным делом.

– Агент Джозеф Бриггз, три-четыре-ноль-девять-семь-два, явился для рапорта после выполнения задания, сэр, – сказал он ровным голосом.

Бонн повернул рычажок у себя на столе на «запись», другой – на «секретно».

– Ах, ты явился, вот как? Идиот ты безмозглый! Да как ты осмелился тут показаться?

– Полегче, босс – в чем дело-то?

Некоторое время спустя Бонн молча курил, потом сказал:

– Бриггз, двенадцать звездных агентов отправились туда – а ящик был пуст. Почтовый ящик номер десять-шестьдесят, Чикаго, ишь ты! Где эти пленки? Это что, камуфляж? Они при тебе?

Гилеад-Бриггз оправился от удивления.

– Нет. Я их отправил из почтового отделения на Главной улице по адресу, который вы только что назвали. – Подумав, он добавил: – Машина могла их отбраковать. Мне пришлось от руки писать машинные символы.

Бонн внезапно подобрел, как будто у него появилась надежда. Он тронул кнопку на столе и сказал:

– Каррутерс! По делу Бриггза: проверьте-ка отбраковку по этому маршруту. – Подумал и добавил: – А потом попробуй еще узнать, возможно, первый символ машина приняла, но он был ошибочным. И точно так же все остальные символы; проверь их одновременно, пройдишь по всем агентам и конторам. После этого попробуй комбинации символов, по два одновременно, потом по три, и так далее. – Он отключился.

– Это значит проверить все почтовые адреса континента, – мягко сказал Бриггз. – Это же невозможно.

– Это необходимо сделать! Слушай, есть ли у тебя хоть небольшое представление о том, как важны пленки, которые были в твоём распоряжении?

– Есть. Директор на Лунной Базе мне объяснил, когда я их брал.

– Ты действовал так, как будто тебе это непонятно. Ты потерял самое важное из всего, что может иметь правительство – абсолютное оружие. И все-таки – стоишь тут и моргаешь глазами, как будто просто положил не на место пачку сигарет.

– Оружие? – не согласился Бриггз. – Я бы не стал так называть эффект новой звезды, разве что вы относите самоубийство к разряду оружия. И я вовсе не считаю, что я его потерял. Как агент, действующий в одиночку и получивший задание не допустить, чтобы предмет попал в чужие руки, я употребил все средства, какие мне были доступны в условиях крайней спешки, чтобы его сохранить. Все, что только было мне подвластно. Меня выследили какие-то негодяи...

– Ты не должен был допустить, чтобы тебя выследили!

– Согласен. Но это случилось. Я был без прикрытия и так оценивал ситуацию, что не видел возможности, остаться в живых. А потому мне пришлось защитить мой груз способом, который не был связан с тем, останусь ли я живым.

– Но ты остался жив – ты же тут стоишь!

– Не своими силами – и не вашими, уверяю вас. Следовало бы меня прикрыть. Если припомните, это был ваш приказ, чтобы я действовал в одиночку.

Бонн стал мрачным.

– Так было необходимо.

– Ах вот как? В любом случае, не понимаю, почему такая суматоха. Или пленки найдутся, или они потеряны – и будут уничтожены, как не востребуемая почта. Тогда я отправлюсь на Луну и получу там другие отпечатки.

Бонн закусил губу:

– Этого ты сделать не можешь.

– Почему же нет?

Бонн долгое время колебался.

– Было всего два комплекта. Ты получил оригиналы, и их надлежало поместить в сейф архива, а второй экземпляр следовало уничтожить сейчас же после того, как станет известно, что первый невредим.

– Ну? И в чем же просчет?

– Ты не понимаешь важности всей процедуры. Каждая бумажка, каждый рабочий черновик,

каждая звукозапись были уничтожены, когда изготовили эти пленки. Каждого техника и ассистента загипнотизировали. Целью было не только скрыть результаты исследований, но стереть все упоминания о самом факте такого «исследования». Во всей системе не найдется и десятка людей, которые вообще слышали о существовании звездного эффекта.

У Бриггза было иное мнение по этому поводу, основанное на недавнем опыте, но он о нем помалкивал.

Бонн продолжал:

– Секретарь не оставлял меня в покое и требовал сообщить ему, когда оригиналы будут упрятаны. Он так настаивал, так сердился! Когда ты позвонил, я сказал ему, что фильмы в порядке и что он мог бы их получить через несколько минут.

– Ну, так что?

– Ты что, не понимаешь, дурень, – он же моментально отдал приказ уничтожить копии.

Бриггз присвистнул:

– Так он до времени спустил курок, да?

– Он-то это совсем не так сформулирует. Не забудь, что на него все время нажимал президент. Он скажет, что это я спустил курок раньше времени.

– А вы так и сделали.

– Нет, это ты спустил курок. Ты сказал мне, что пленки в том ящике.

– Вот уж нет. Я сказал, что я их туда отправил.

– Нет, ты сказал не так.

– Возьмите ту запись и прокрутите ее опять.

– Да нет никакой записи – по приказу президента нельзя вести никаких записей, касающихся этой операции.

– Вот как? Почему же вы записываете сейчас?

– Потому, – резко ответил Бонн, – что кто-то будет за это расплачиваться, и я не хочу быть этим человеком.

– Вы хотите сказать, – медленно произнес Бриггз, – что это буду я?

– Я этого не говорил. Может, это будет секретарь.

– Если покатится его голова, то и ваша тоже. Нет, вы оба воображаете, что подставите меня. Но прежде чем это планировать, вам следовало бы выслушать мой рапорт. Он может воздействовать на ваши планы. У меня для вас новости, босс.

Бонн забарабанил по столу.

– Валяй. Лучше бы они были хорошими.

Бесстрастным монотонным голосом Бриггз пересказал все события, как они отпечатались в его цепкой памяти, от получения фильмов на Луне до настоящего момента. Бонн слушал нетерпеливо.

Закончив, Бриггз ждал. Бонн поднялся и заходил взад-вперед по комнате. Наконец он остановился и сказал:

– Бриггз, никогда в жизни я не слышал такого фантастического обилия лжи. Жирный мужчина, который играет в карты! Бумажник, который оказался не твоим бумажником... А как украли твою одежду! И миссис Кейтли – миссис Кейтли! Ты что, не знаешь, что она одна из самых ярких приверженцев нашей администрации?

Бриггз ничего не ответил. Бонн продолжал:

– Теперь я тебе скажу, что случилось на самом деле. До того момента как ты приземлился в Пьед-а-Терра, твой рапорт соответствует действительности...

– Откуда вы знаете?

– Естественно, что ты был под прикрытием. Ты же не думаешь, что в таком деле я положусь

на одного человека, правда?

– Почему же вы мне не сказали? Я бы мог обратиться за помощью и избежал бы всего этого.

Бонн оставил его слова без ответа.

– Ты нанял агента, отставил его, вошел в тот драгстор, вышел и направился к почтовому отделению. На улице не было никакой драки по той простой причине, что никто тебя не преследовал. На почте ты послал три цилиндрика, один из которых мог – или не мог – содержать те пленки. Оттуда ты направился в отель «Новая Эра», оставил его двадцать минут спустя и сел в ракету, следующую в Кейптаун. Ты...

– Минутку, – перебил Бриггз. – Как же я мог это сделать – и все-таки оказаться теперь тут?

– А-а? – Бонн на минутку, кажется, смешался. – Это просто детали, тебя ведь опознали. Для тебя было бы гораздо, гораздо лучше, если бы ты остался в той ракете. В самом деле... – начальник бюро внимательно посмотрел в голубую даль, – ... к настоящей минуте все было бы куда лучше, если бы мы официально признали, что ты остался в той ракете. Не повезло тебе, Бриггз, очень не повезло. Ты не провалил свое задание – ты продался!

Бриггз смотрел на него хладнокровно:

– Так вы предпочитаете такое объяснение?

– Пока нет. Вот почему лучше признать, что ты остался в этой ракете – пока все не уладится, не выяснится...

Бриггзу не нужно было делать сложные расчеты, чтобы понять, что произойдет и какое будет принято решение, когда «все выяснится». Он вытащил из кармана блокнот, что-то поспешно в нем нацарапал, оторвал листок и вручил его Бонну. Там было написано:

«Немедленно слагаю с себя мои обязанности». Далее следовала подпись, отпечаток большого пальца, дата и час.

– Пока, босс, – попрощался он.

И легко повернулся, как бы для того, чтобы уйти. Бонн взревел:

– Стой! Бриггз, ты арестован.

Он направился к столу. Бриггз нанес ему удар по дыхательному горлу, потом еще один – в живот. Убедился, что Бонн вырубился надолго. Осмотрев стол, он нашел препарат для отключающих сознание инъекций и сделал Бонну подкожное впрыскивание, действующее два часа, выбрав местечко около родинки, маскирующей место укола на спине, вытер иглу, уложил все на место, стер магнитофонные записи, касающиеся его, включая скрип двери, оставил сигнал включенным на «секретно» и «не беспокоить» и вышел из Бюро другим потайным ходом.

Он отправился на ракетодром, купил билет до Чикаго. Ждать надо было двадцать минут. Бриггз сделал ряд мелких покупок, предпочитая живых клерков машинам, чтобы они видели его лицо. Когда была объявлена посадка на корабль до Чикаго, он прошел туда вместе с остальными.

У внутренних ворот, чуть не доходя до платформы с весами, он стал частью той толпы, которая состояла из провожающих, помахал кому-то, кто отошел от весов, и оказался за воротами, улыбнулся, покричал: «До свидания!», покорно дал толпе увлечь себя назад от ворот, когда те закрывались, выбрался из толпы и направился в мужской туалет. Когда он оттуда вышел, в его внешности появились заметные перемены. Что еще важнее, изменились его повадки.

Небольшая незаконная сделка в салоне рядом с залом, где выдавали вещи напрокат, обеспечила его нужной рабочей карточкой, еще через пятьдесят пять минут он отправлялся в путь по стране как Джек Гиллспай, грузчик и помощник водителя дизель-грузовика.

Неужели он действительно настолько скверно адресовал цилиндр, что почтовый автомат его забраковал? Он заставил наклейку, которую тогда сделал, возникнуть в его мозгу, и добился, чтобы она стала такой же отчетливой, как пробегающий мимо пейзаж. Нет, буквы его символов были четкими и правильными, машина должна была их принять.

Не могла ли машина отбросить цилиндр по другой причине, скажем, из-за того, что ярлычок приклеился вверх ногами? Да, но надпись, сделанная от руки, заставила бы почтового клерка вернуть цилиндрик назад в желобок. Одна такая задержка не составит больше десяти минут, даже в час пик. Даже при пяти подобных задержках цилиндрик должен был попасть в Чикаго больше чем за час до того, как он позвонил Бонну.

Предположим, наклейка совсем отвалилась, в таком случае цилиндрик пришел бы туда, куда отправились камуфляжные кассеты.

А в таком случае миссис Кейтли получила бы его, раз уж она смогла перехватить или получить два остальных.

Стало быть, тот цилиндрик прибыл в почтовый ящик в Чикаго.

Стало быть, Котелок Болдуин прочел его записку в колоде карт и дал инструкции кому-то в Чикаго, а сделал он это по радио, пока находился в вертолете. После того как событие произошло, «возможно» и «истинно» становятся синонимами, в то время как «вероятно» становится мерилем чьего-то незнания. Называть результат «невероятным» после того, как событие совершилось – значит просто заниматься самообманом.

Стало быть, пленки у Котелка Болдуина – вывод, к которому Бриггз пришел в кабинете Бонна.

За двести миль от Нового Вашингтона он затеял ссору с шофером и его высадили. Из местной телефонной будки того городка, где он очутился, он позвонил в контору Болдуина.

– Скажите ему, что я тот человек, который должен ему деньги.

Вскоре экран загромозило широкое лицо великана.

– Привет, парнишка! Что за проблемы? Как делишки?

– Меня выставили.

– Так я и думал.

– Хуже – за мной охотятся.

– Естественно.

– Я бы хотел с тобой потолковать.

– Чудненько. Ты где?

Гилеад объяснил.

– За кормой чисто?

– Ну, по крайней мере, еще на несколько часов.

– Отправляйся в местный аэропорт. Стив тебя подберет.

Стив так и сделал, кивнул в знак приветствия, поднял вертолет в воздух, настроил автопилот и вернулся к своему чтению. Когда машина взяла определенный курс, Гилеад отметил его и спросил:

– Куда это мы направляемся?

– На ранчо босса. Он что, вам не говорил?

– Нет.

Гилеад понимал – возможно, его поездка будет только в одну сторону. Правда, Болдуин устроил ему побег от верной смерти – совершенно ясно, что миссис Кейтли не собиралась оставлять его в живых дольше, чем это соответствовало ее целям, иначе она бы не допустила, чтобы девушку убили в его присутствии. Пока он не прибыл в кабинет Бонна, он допускал, что Болдуин спас его потому, что он, Гилеад, знает нечто такое, что Болдуин настоятельно желает

узнать, – но теперь-то было похоже, что Котелок его спас из чистого альтруизма.

Гилеад допускал существование в этом мире альтруизма, но был склонен относиться к нему как к «наименее вероятной гипотезе». У Болдуина могли найтись другие причины желать Гилеаду долгой жизни – до того момента, как он сделает рапорт в Новом Вашингтоне, он вполне может с удовольствием убрать его с дороги сейчас, когда гибель Гилеада не вызовет никаких комментариев.

Возможно, что даже Болдуин союзник миссис Кейтли в этих темных делишках. В таком допущении содержалось простейшее объяснение всему, хотя некоторые факторы все-таки оставались непонятными. Как бы то ни было, ясно, что Болдуин – важная фигура и фильмы у него. Необходимо рискнуть.

Гилеад не стал попусту беспокоиться. Известные ему факторы четко отпечатались в его мозгу, словно сделанная мелом надпись на черной классной доске, и они останутся там, пока переменные величины не станут достаточно постоянными, чтобы можно было найти решение при помощи логики. Полет был весьма приятным.

Стив опустил его на лужайку возле большого несуразного загородного дома, представил его по-матерински уютной особе миссис Гарвер и улетел.

– Чувствуйте себя как дома, Джо, – сказала она. – Ваша комната последняя в восточном крыле, напротив есть душ. Через десять минут ужин.

Гилеад поблагодарил ее и отправился в указанном направлении. В гостиную он вошел минуты за две-три до начала ужина. Там уже собрались представители обоих полов, всего около десятка или немного больше. Место это казалось щегольским ранчо, хотя он заметил невдалеке откормленных мясных коров, когда они со Стивом приземлились.

Остальные гости, кажется, принимали его появление как нечто само собой разумеющееся. Никто его не спросил, зачем он сюда прибыл. Одна из женщин представилась как Талиа Вагнер и познакомила его с остальными. Когда это происходило, вошла миссис Гарвер, звоня в колокольчик, и все проследовали в длинную столовую с низким потолком. Гилеад не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь более изысканно угощался, да еще в столь забавной компании.

Проспав одиннадцать часов – это был его первый настоящий отдых за несколько дней – Гилеад внезапно и полностью пробудился от каких-то звуков, которые его подсознание не смогло распознать, но отказывалось не принять во внимание. Он открыл глаза, обвел взглядом комнату, тотчас вскочил с постели, крадучись подошел к двери и притаился за ней.

Кто-то торопливо шел мимо его комнаты. Слышны были два голоса, один мужской, другой женский. Он сразу узнал Талию Вагнер, а мужчина был ему незнаком.

Мужчина: «tsumaeg?»

Женщина: «no!»

Мужчина: «zulntsi»

Женщина: «ipbit' Нью-Джерси».

Здесь переданы не в точности те самые звуки, которые услышал Гилеад, во-первых, из-за ограниченных возможностей фонетических символов, во-вторых, из-за того, что его слух, не привычный к подобным звукам, не все точно уловил. Слух – функция мозга, а не ушей; мозг же Гилеада при всей его изощренности, был приспособлен для того, чтобы относить услышанные звуки к привычным для него группам. А эти звуки были ни на что не похожи.

Узнав голос Талии Вагнер, он почувствовал облегчение. Талиа была частью неизвестной ситуации, которую он принял, явившись сюда; незнакомца, известного ей, он тоже должен принять. Все непонятные новые факты, включая этот странный язык, он отнес к «находящемуся на рассмотрении» и временно выкинул их из головы.

Одежда, в которой он прибыл сюда, исчезла, но все его деньги – вернее, деньги Болдуина, – лежали на том месте, где он разделся, там же он нашел карточку на имя Джека Гиллспая и немногие принадлежавшие ему лично предметы. Кто-то приготовил для него прогулочные шорты и пару тапочек на резиновой подошве, как раз его размера.

С удивлением и почти с испугом Гилеад отметил, что кто-то сумел услужить ему, не разбудив.

Он надел шорты и тапочки и вышел из комнаты. За это время Талиа и ее спутник исчезли. Поблизости никого не оказалось, столовую Гилеад нашел пустой, но стол был накрыт на три прибора, один прибор стоял на том месте, где он сидел за ужином, а горячие блюда и закуски ждали на буфете. Он выбрал запеченную ветчину, горячие булочки, яичницу из четырех яиц, налил кофе. Двадцать минут спустя, как следует наевшись, все еще в одиночестве, Гилеад вышел на веранду.

День выдался великолепный. Гилеад наслаждался им и с дружеским интересом наблюдал за одиноким жаворонком, когда из-за угла дома вышла молодая женщина. Одета она была примерно так же, как и он, только соответственно своему полу. Она была хорошенькая, хотя и не чересчур.

– "Доброе утро, – поздоровался он. Она остановилась, уперлась руками в бедра и оглядела его с головы до ног.

– Ничего себе! – сказала она. – Почему это мне о таких вещах не сообщают? – Потом поинтересовалась: – Вы женаты?

– Нет.

– А я тут слоняюсь. С матримониальной целью. Давайте, познакомимся!

– Не очень-то я подходящий человек для брака. Много лет его избегаю.

– Все они не очень подходят для брака, – горько сказала она. – В загоне новый жеребенок.

Пойдем.

Они пошли. Жеребенка звали Военный Победитель Болдуина, женщину – Гэйл. После тщательного осмотра кобылы и ее сына они вышли из загона.

– Если вы не одобряете помолвок, – сказала Гэйл, – сейчас как раз благоприятное время для купанья.

– Если ваше «благоприятное» означает то самое, что я под этим подразумеваю, я согласен.

Берег был тенистый, дно – песчаное. Гилеад на время снова почувствовал себя мальчишкой, такие вещи как эффект новой звезды, насилие и смерть отошли в какое-то другое далекое измерение. Долгое время спустя он выбрался на берег и спросил:

– Гэйл, что значит – «tsumaeg»?

– Повтори, – попросила она, – у меня в ухо ввда попала.

Он повторил весь разговор, который слышал. Она смотрела на него недоверчиво, потом рассмеялась:

– Ты не слышал этого, Джо, просто не слышал – и все. – И добавила: – Вот «Нью-Джерси» ты правильно расслышал.

– Но я слышал!

– Повтори-ка снова.

Он повторил более тщательно, старательно имитируя произношение говоривших. Гэйл фыркнула:

– Теперь я уловила суть. Ох уж эта Талиа, в один прекрасный день какой-нибудь сильный мужчина свернет ей шею.

– Но что это значит?

Гэйл искоса окинула его долгим взглядом:

– Если ты когда-нибудь об этом догадаешься, я и в самом деле выйду за тебя замуж, несмотря на твои протесты.

Кто-то засвистел с вершины холма.

– Джо! Джо Грин, босс тебя требует!

– Надо идти, – сказал он Гэйл. – До свидания.

– Пока, – поправила она его.

Болдуин ждал его в удобном, располагающем, как и он сам, кабинете.

– Приветик, Джо, – поздоровался он. – Садись. Тебя хорошо приняли?

– Да, конечно. У вас тут всегда такой прекрасный стол, каким я наслаждаюсь?

Болдуин похлопал себя по животу:

– А чем же, ты думаешь, я заслужил свое прозвище?

– Котелок, мне нужно довольно много объяснений.

– Джо, я сожалею, что ты потерял работу. Был бы у меня выбор, такого не случилось бы.

– Ты что, работаешь с миссис Кейтли?

– Нет, я против нее.

– Хотел бы я поверить, но у меня нет тому доказательств – пока что. Что ты делал, когда я с тобой познакомился?

– Они меня зацапали – миссис Кейтли и ее ребята.

– Просто случайно зацапали тебя и просто случайно засунули в ту же самую камеру, куда и меня, и ты просто случайно узнал об этих пленках, и у тебя просто случайно оказались в кармане две колоды карт? Ну а на самом деле?

– Не было бы у меня карт – мы бы нашли какой-то другой способ потолковать, – мягко сказал Котелок. – Разве нет?

– Да, несомненно.

– Не буду врать, что все это было случайно. Мы за тобой следили с Лунной Базы; когда тебя подцепили на крючок, вернее, когда ты дал им затащить себя в отель «Новая Эра», я устроил так, что меня зацапали тоже, я предвидел, что найду возможность протянуть тебе руку помощи, если окажусь внутри. – Он добавил: – Я сблефовал, когда они считали, будто я тоже человек ФБСБ.

– Понятно. Значит, просто повезло, что они засадили нас вместе.

– Не повезло, – возразил Котелок. – Везение – это награда, которая достигается в результате тщательного планирования, оно никогда не возникает само по себе. Была хорошо вычисленная вероятность, что нас посадят вместе в надежде узнать то, что им нужно. Мы попали в точку, потому что заплатили за такую возможность. Если бы получилось по-другому, мне пришлось бы выбраться из той камеры и поискать тебя, но, чтобы я мог это сделать, мне необходимо было находиться внутри.

– Кто такая миссис Кейтли?

– Не то, что она есть официально, это точно. Она матка-пчела – или же паучиха «черная вдова» – в банде. «Банда» – не точное выражение. Может быть, группа сил. Одна из нескольких подобных групп, более или менее связанных друг с другом там, где их интересы не пересекаются. Они делят между собой страну ради всего, чего хотят, как две кошки, которые делят между собой крысу.

Гилеад кивнул: он понял, что имеет в виду Болдуин, хотя не подозревал, что величественная и пользующаяся уважением миссис Кейтли замешана в подобных делах, пока его носом не ткнули в этот факт.

– А ты кто такой, Котелок?

– Ну, Джо, ты мне нравишься, и я сожалею, что ты попал в передрагу. Ты пару раз зарвался,

и я вынужден был затоптать слишком высокое пламя. Слушай, я чувствую себя твоим должником; поэтому вот мое предложение: мы сделаем из тебя совершенно новую личность, и начнешь все с нуля, даже отпечатки будут новые, если захочешь. Выбери себе любую точку на шарике, какая понравится, и любой род занятий; мы обеспечим тебе деньгами, какие понадобятся для начала, или ты получишь денег, чтобы уйти в отставку и до конца жизни забавляться с красотками. Что скажешь на это?

– Нет. – Он ни минуты не колебался.

– У тебя нет близких родственников, нет настоящих друзей. Подумай о моем предложении. Я не в силах вернуть тебя обратно на твою работу. Так что мое предложение – это лучшее, что я могу сделать.

– Уже подумал. Дьявол с ней, с работой, я хочу завершить мое дело! А ты – ключ к нему.

– Подумай и взвесь еще раз. Это твой шанс выкарабкаться из государственных дел и начать вести нормальную счастливую жизнь.

– Ах, он говорит – «счастливую»!

– Ну, во всяком случае, безопасную. Если ты настаиваешь на том, чтобы идти дальше, твое будущее становится крайне проблематичным.

– Что-то я не припомню, чтобы когда-нибудь играл в безопасные игры.

– Ты доктор наук, Джо. В этом случае...

Селектор на столе Болдуина произнес: – oenie twg rilp.

Болдуин ответил:

– пи, – и быстро подскочил к камину. Там все еще дымилось утреннее пламя. Болдуин ухватился за каминную полочку и потянул ее в свою сторону. Все сооружение – сам очаг, полка и решетка сдвинулись, оставив в стене арку.

– Вниз по ступенькам, Джо, – приказал он. – Облава.

– Вот это да! Настоящий тайник!

– Ага, здорово, правда? В этом доме больше секретных дыр, чем в кроличьей норе, и всяких тайных ловушек тоже хватает, слишком даже много всяких технических приспособлений, по моему мнению.

Он вернулся к своему столу, выдвинул один из ящиков, достал три кассеты с пленками и положил их в карман.

Гилеад уже готов был спускаться по лестнице, увидев же эти кассеты, он остановился.

– – Давай двигай, Джо, – настойчиво скомандовал Болдуин. – Тебя вычислили. Пришли за тобой. Мы не располагаем временем, чтобы валандаться, а то нам придется просто убить тебя.

Они остановились в комнате, хорошо упрятанной в подzemелье, это был кабинет, очень похожий на верхний, не хватало только солнечного освещения и вида из окон. Болдуин сказал что-то на непонятном языке в микрофон у себя на столе, ему ответили. Гилеад, который уже начал обкатывать гипотезу, что язык этот – искаженный английский, отбросил ее.

– Как я говорил, – продолжал Болдуин, – если ты так уж смертельно хочешь получить ответы...

– Минутку, что это за налет?

– Просто ребяташки, которые работают на правительство. Они не будут действовать грубо и не станут искать тщательно. Мама Гарвер умеет с ними управляться. Мы постараемся никому не повредить, если только они не воспользуются проникающим радаром.

Гилеад криво улыбнулся, слыша такую пренебрежительную оценку службы.

– А если воспользуются?

– Одно приспособление там, наверху, визжит, точно свиньи, если его коснется частота проникающего радара... Мы недоступны ничему, кроме атомной бомбы. А на это они не

пойдут: им фильмы нужны, а не дырка в земле. Кстати – вот, лови!

И внезапно у Гилеада в руках оказались те самые пленки, из-за которых весь сыр-бор разгорелся. Он вытащил несколько кадров из кассеты и убедился, что микрофильмы действительно те самые.

Он молча сидел и раздумывал, как бы ему выбраться невредимым из этой передраги, оказаться вновь на поверхности земли и ничего не испортить. В динамике опять раздалось какие-то слова, Болдуин не ответил, но сообщил Гилеаду:

– Долго мы тут не просидим.

– Бонн, кажется, решил проверить мой рапорт.

Наверху кто-то из его товарищей – бывших товарищей. Если он прикончит Болдуина, сможет ли управиться с дверью?

– Бонн – беден. Он меня проверит, но не особенно тщательно: я слишком богат. А миссис Кейтли он вообще не сможет контролировать: она очень богата. Он мыслит не мозгами, а своими политическими амбициями. Его последний предшественник был куда лучше: он был из наших.

Планы, которые начал строить Гилеад, подверглись внезапному пересмотру. Он присягал на верность правительству, а личная его лояльность была отдана бывшему боссу.

– Докажи-ка последнее, мне это очень интересно.

– Нет, ты сам дойдешь до того, чтобы понять, что это правда – если ты все еще хочешь получить ответы на вопросы. Убедился, что это те самые фильмы? Давай их сюда.

Гилеад не шевельнулся.

– Думаю, уж во всяком случае ты несколько копий снял?

– Не было необходимости: я их посмотрел. Не изобретай ты никаких идей, Джо; ты подмочил свою репутацию в ФБСБ, тебе не помогло бы, даже если бы ты принес им на блюде эти фильмы и мою голову. Ты же на своего босса напал – забыл?

Гилеад припомнил, что он вовсе не говорил этого Болдуину. Он тут же поверил, что у Болдуина есть свои люди в ФБСБ, независимо от того, был ли таковым последний начальник его отдела.

– Я мог бы, по крайней мере, уйти в отставку чистым. Я же знаю Бонна – он рад бы забыть это.

Гилеад просто тянул время, ожидая, что Болдуин предложит ему какой-то выход.

– Брось ты их, Джо. Не хочу я ссориться. Один из нас может оказаться убитым, – оба, если ты выиграешь первый раунд. Но ты ничего не сможешь доказать, а вот я докажу, что сидел дома и играл с кошкой. Или продавал вертолеты двум очень важным горожанам в то самое время, когда, по твоему утверждению, я был совсем в другом месте.

Он опять послушал динамик, потом ответил на той же тарабарщине.

Гилеад в уме оценивал свою ситуацию именно в тех же словах, какими выразился Болдуин. Ничего хорошего для себя не придумав, он перебрал фильмы Болдуину.

– Спасибо, Джо. – Тот отошел к маленькому потайному устройству в стене, включил его на полную мощность, поместил пленки в бункер, выждал несколько секунд и отключил прибор. – Дурная трава с поля вон!

Гилеад позволил себе поднять брови.

– Ну, Котелок, и удивил же ты меня!

– Чем это?

– Я-то думал – тебе нужен звездный эффект как средство добиваться власти.

– Чушь какая! Снять с человека скальп – не самый лучший способ избавить его от перхоти. Джо, как много тебе известно о звездном эффекте?

– Да не очень много. Я знаю, что это вид атомной бомбы и она настолько сильна, что многие, если бы только представили себе ее мощь, наделали бы в штаны.

– Это не бомба. Это не оружие. Это средство, чтобы полностью уничтожить планету – и все, что на ней находится, – превратив ее в новую звезду. Если это оружие, военное или политическое, тогда я Самсон, а ты – Далила. Но я-то не Самсон, – продолжал он, – и не собираюсь уничтожить храм – и хочу не дать сделать это другим. Кругом полно паразитов, которые бы это сделали, если бы кто-то не мешал им. Миссис Кейтли – одна из них. Твой сердечный друг Бонн – такой же, если бы только у него смелости и умишка хватило – а не хватает. Я намерен помешать таким людишкам. Что ты знаешь о баллистике, Джо?

– Да то, что в школе учил.

– Непростительное невежество. – Динамик опять заговорил, Болдуин ответил и продолжал: – У проблемы трех тел все еще нет настоящего красивого решения, но есть несколько естественных решений – астероиды, которые гонятся за Юпитером по собственной его орбите, в положении, например, под шестьдесят градусов. И существует решение прямой линии – ты слышал об астероиде «Анти-Земля»?

– Это нагромождение скал, которое всегда по другую сторону от Солнца, так что мы никогда его не видим.

– Да. Но его там больше нет. Он превращен в новую звезду.

Привычный к сюрпризам Гилеад решил, что это уже слишком.

– Как так? Я думал, что звездный эффект – это только теория...

– Да нет же. Если бы ты успел посмотреть фильмы, ты увидел бы картинки про это. Плутоний, литий, соединения тяжелой воды – образуют нечто такое, что мы не станем обсуждать. Получается спичка, которой можно поджечь весь мир. Она и подожгла – небольшой мир воспламенился и исчез. Никто не видел, как это случилось. Никто на Земле и не мог этого видеть, потому что все случилось по ту сторону от Солнца. И из Лунной Колонии нельзя было ничего увидеть: там тоже мешало Солнце – геометрия на практике. Видели только объективы фотоаппаратов на корабле роботов. А знали об этом только ученые, которые снарядили тот корабль и обеспечили тот процесс – и все они были с нами заодно, кроме директора. Был бы и он с нами, никогда бы ты не оказался в это дело замешан. – Доктор Финнли?

– Да. Славный парень, но ум у него – как сухарик. Ученый-политик, средних способностей. Сам-то он мало что значит: наши ребята будут держать его на коротком поводке, пока он не уйдет на пенсию. Однако мы не смогли помешать ему сделать доклад и отослать фильмы. Поэтому мне пришлось их захватить и уничтожить.

– А почему ты их не сохранил? Если отбросить все остальные соображения, они же просто уникальны для науки.

– Человечество не нуждается в этом разделе науки, во всяком случае, в данном тысячелетии. Я сохранил все, что важно, Джо, – в голове.

– Так ты и есть твой кузен Хартли, да?

– Конечно. Но я и Котелок Болдуин, и еще несколько других ребят.

– По мне, так ты и леди Годивой можешь быть.

– Как Хартли, я имел право на эти фильмы, Джо. Проект-то был мой. Разработан с моей подачи.

– Я никогда не связывал с этим Финнли. Я не физик, но он же определенно недостаточно умен для такого дела.

– Конечно, конечно. Я пытался доказать, что искусственную Нову ^[2] нельзя создавать; очевидна политическая – расистская – важность данного вопроса. Это обернулось против нас же – так что мы вынуждены были приступить к безотлагательным действиям.

– Может, надо было остановиться в самом начале?

– Нет. Лучше знать самое худшее; теперь мы можем следить за этим, уводить исследования в другую сторону. – Снова заворчал динамик, Болдуин продолжал: – Есть, наверно, высший смысл в том, Джо, что поистине опасные тайны слишком трудны для разгадывания и интеллект может взяться за них, только достигнув определенной точки развития, когда, кроме всего прочего, указанный интеллект имеет добрую волю и хорошие намерения. Мама Гарвер говорит, что теперь можно подниматься.

Они направились к лестнице.

– Я удивлен, что ты оставляешь за старушкой Гарвер право распоряжаться в экстренных случаях.

– Уверяю тебя, она вполне компетентна. Но управлял-то всем я – ты же сам слышал.

– А-а...

Они опять устроились в кабинете Болдуина.

– Я дам тебе еще один шанс для отступления, Джо. Не имеет значения, что ты знаешь все о фильмах, поскольку их больше не существует и ты ничего не сможешь доказать, – но, кроме того, ты ведь понимаешь, что, если, примкнув к нам, захочешь разболтать о том, что здесь происходит, тебя убьют, как утку на охоте, при первом же подозрительном шаге?

Гилеад это понимал, он видел, что находится за той точкой, от которой еще можно было вернуться назад. С уничтожением пленок ушел его последний шанс реабилитироваться. Он начал осознавать, что, усвоив первое обращение к нему, спрятанное в двойной колоде карт, он перестал быть свободным игроком; каждый его ход стал вынужденным и зависел от ходов, которые делал Болдуин. Тут уж ничего нельзя было поделаться: его будущее – здесь или нигде.

– Я понял, продолжай.

– Мне известны твои интеллектуальные возможности, Джо, ты просто решил рискнуть, не обещая верности.

– Да, но почему ты решил рискнуть со мной?

Болдуин сделался куда более серьезным, чем он обычно себе позволял.

– Ты способный человек, Джо. У тебя довольно смекалки и моральной смелости, чтобы поступать разумно в ситуации из ряда вон выходящей, а не просто так, как это делается обычно.

– Так вот почему я тебе нужен?

– Отчасти поэтому. Отчасти потому, что мне понравилось, как ты здорово освоил новую карточную игру. – Он ухмыльнулся. – А отчасти потому, что Гэйл понравилось, как ты обращаешься с жеребенком.

– Гэйл? А как она умудрилась сообщить об этом?

– Она мне доложила о тебе пять минут назад, во время налета.

– Г-м-м-м... продолжай.

– Тебя предупредили. – В продолжение мгновения Болдуин смотрел на него почти с овечьей кротостью. – Я хочу, чтобы ты воспринял то, что я скажу сейчас, на полном серьезе – не смейся.

– О'кей.

– Ты спрашивал, кто я такой. Так вот я – нечто вроде секретаря-исследователя этой ветки организации суперменов.

– Я так и думал.

– Да-а? И давно ты догадался?

– Факты накапливались. Это и карточная игра, и быстрота твоей реакции. Я все понял, когда ты уничтожил пленки.

– Джо, а что такое супермен?

Гилеад не ответил.

– Прекрасно, давай-ка уточним термин, – продолжал Болдуин. – Его употребляют слишком часто и большей частью неверно, и он сделался таким небитым, что в конце концов приобрел комический оттенок. Я употребил его с целью шокировать тебя – но ты ничуть не был шокирован. Первоначально термин «супермен» имел сказочный оттенок и вызывал в воображении глаза, мечущие X-лучи, странные и необычные органы чувств, двойные сердца, прочную, не поддающуюся ножу кожу, стальные мускулы – мечта подростка о герое, поражающем драконов. Чепуха, конечно. Джо, что такое человек? Что в человеке делает его более чем животным? Решим это – и тогда мы в две счета определим, что такое сверхчеловек, супермен или Новый Человек, homo novus, который должен заменить homo sapiens; который уже вытесняет его, потому что он больше приспособлен для выживания, чем «homo sapiens». Я не пытаюсь применить этот термин к себе, предоставляю моим коллегам и неумолимому времени, решить, супермен ли я, представитель ли нового вида человека. То же испытание ожидает тебя.

– Меня?

– Тебя. В тебе обнаруживаются беспокойные симптомы homo novus, Джо – в небрежной, неряшливой, невежественной, нетренированной форме. Не очень вероятно, но ты можешь оказаться представителем новой породы. Ну, так что же такое человек? Что он может делать лучше, чем животные, что это за сильный, необходимый для выживания фактор, который перевешивает все то, что так или иначе животные могут выполнить лучше, чем человек?

– Человек умеет мыслить.

– Я тебе подсказал ответ, это не твоя заслуга. О'кей, как человек ты проходишь, поглядим, на что ты способен. Что это за фактор или факторы – если угодно, вполне достижимые, – какие может приобрести гипотетический супермен благодаря мутации, или магии, или другим путем, и что он может добавить к тем преимуществам, какими человек уже обладает, которые помогли ему доминировать на этой планете над миллионами других враждебных ему представителей фауны? Такой фактор, который поможет человеку превзойти его предшественника так же, как ты превосходишь охотничью собаку? Думай, Джо. Каково необходимое направление эволюции для следующего доминирующего вида?

Гилеад погрузился в размышления – он раздумывал необычно для себя долго. Так много привлекательных новых качеств мог бы иметь человек: видеть невооруженным глазом, как через телескоп и микроскоп, видеть предметы изнутри, видеть сквозь спектр, слышать так же совершенно, иметь иммунитет к болезням, отрастить дополнительную руку или ногу, летать по воздуху, не затрудняя себя никакими дурацкими приспособлениями вроде вертолетов или двигателей, бродить по дну морскому невредимым, работать, не уставая...

И все же – орел летает, но он почти вымер, при том, что зрение у него лучше человеческого. Собака лучше чует и слышит, морские львы лучше плавают, имеют более совершенный вестибулярный аппарат и, более того, могут накапливать кислород. Крысы могут выживать там, где человек умирает голодной смертью или погибает от перегрузок, они сообразительны, и их трудно убить. Крысы могли бы...

Погоди! Могли бы наиболее выносливые и достаточно сообразительные крысы вытеснить человека? Нет, у них нет шансов: слишком мал мозг.

– Надо научиться мыслить более совершенно, – ответил Гилеад.

– Ты достоин приза! Супермен – супермыслитель; все остальное значения не имеет, это побочные признаки. Я могу допустить возможность супер-кого-угодно, кто сможет уничтожить человека или возобладать над ним, только при одном условии: если это существо превзойдет человека в его собственном главном достоинстве – способности мыслить. Но я отрицаю, что

человек может постичь в абстрактных терминах, чем должно быть такое суперсущество или каким образом оно выиграет. Новый Человек вытеснит Хомо Сапиенса потому, что превосходит его – в рационализме, в способности распознавать факты, накапливать их, орудовать ими, верно рассчитывать результат и приходиться к правильному решению. Вот как человек может стать чемпионом, всепобеждающим существом; тот, кто умеет мыслить совершеннее – и будет победителем. Разумеется, есть и другие помогающие выживанию факторы: хорошее здоровье, развитые органы чувств, безусловные рефлексy, – но они не в счет, как снова и снова доказывала длинная и грубая история человечества: Марат в своей ванне, Рузвельт в инвалидном кресле на колесах, Цезарь с эпилепсией и дурным пищеварением, одноглазый и однорукий Нельсон, слепой Мильтон; когда приходит решающий час, выигрывает мозг, а не части тела.

– Остановись на минутку, – перебил Гилеад. – А как же ЭСВ?

Болдуин пожал плечами:

– Ну а, например, повышенный порог зрения? Экстрасенсорное восприятие не стоит на одном уровне со способностью верно мыслить. ЭСВ – это неквалифицированное название для не таких, какие нам известны и привычны, органов чувств, с помощью которых мозг добывает факты. Но чтобы получить первый приз, надо выполнить одну маленькую хитрость: осознать эти факты, поразмыслить над ними. Если тебе нужна телепатическая связь с Шанхаем, я могу это организовать, у нас есть операторы с обоих концов, – но, если тебе понадобятся любые сведения из Шанхая, ты сможешь получить их оттуда по телефону с меньшими усилиями, при более качественной связи и с меньшей вероятностью подслушивания. К тому же телепаты не могут принимать сообщения по радио: это не то что шайка волновиков.

– А что такое шайка волновиков?

– После, после. Тебе еще многое предстоит узнать.

– Я имел в виду не телепатию как таковую, а все парапсихологические эффекты.

– То же самое. Славная была бы перевозка грузов, если бы телекинетики хорошенько разыгрались, – но они пока этого не могут. Зато грузовик-пикап достаточно удобен для перевозки вещей. Телевидение в руках интеллектуально развитых людей принесет больше пользы, чем ясновидение слабоумных. Ну, хватит разбазаривать мое время, Джо.

– Извини.

– Мы определили способность мыслить как умение объединять определенные факты и находить правильные решения. Оглянись вокруг себя. Большинство людей пользуются этой способностью с достаточной эффективностью, чтобы добраться до лавочки на углу и вернуться, не сломав ногу. Если средний человек вообще мыслит, он совершает глупые поступки, так как делает выводы из одного-единственного факта. Он пользуется однозначной логикой «или-или», чтобы прийти к своим неверным выводам. Если он голоден, ранен или персонально заинтересован в ответе, он не в состоянии пользоваться никакой логикой и отбрасывает наблюдаемый факт с такой же бездумностью, с какой приспособливает свою жизнь к тому, чтобы думать то, что ему хочется. Он пользуется чудесами техники, созданными более развитыми людьми, без малейшего удивления или восхищения, точно так же, как котенок принимает блюдечко с молоком. Далекий от того, чтобы стремиться к высшему рассуждению, он даже не понимает, что такое высшее рассуждение существует. Он классифицирует собственные мыслительные процессы как точно такие же, какими обладает гений типа Эйнштейна. Человек – не мыслящее животное, он – животное, пытающееся дать всему разумное объяснение.

Для объяснения вселенной, которая смущает его и ставит в тупик, он кидается к гаданию на цифрах, к астрологии, к религии и к другим фантастическим способам свихнуться. Раз уж он

принимает такую замечательную ерунду, факты для него значения не имеют, даже если вопрос стоит о его собственной жизни. Джо, тяжелее всего поверить в бездонную глубину человеческой глупости.

Вот почему наверху всегда есть место, вот почему на этом шарике человек, обладающий чуть-чуть большим умом, чем другие, так легко может стать правителем, миллионером или президентом колледжа – и вот почему Хомо Сапиенс безусловно уступит руководящую роль Новому Человеку. Есть еще так много возможностей для совершенствования, и эволюция никогда не закончится.

То и дело среди обычных людей попадает редкий индивидуум, который действительно мыслит, может применять логику и делает это, по крайней мере, в какой-то одной области, – часто вне своего кабинета или своей лаборатории он так же глуп, как остальные, – но он умеет мыслить в том случае, если ему не мешают, он не болен и не боится. Вот этот-то редкий индивидуум ответственен за весь прогресс, который совершает его вид; остальные вынужденно приемлют результат его деятельности. Как бы ни ненавидели обычные люди процесс мысли, как бы они ни окружали данного субъекта недоверием и как бы ни преследовали его, он обречен все время стремиться к достижению каких-то результатов, потому что мыслительный процесс – первопричина его деятельности. Он может просто сажать хлеб во тьме Луны, но он станет сажать лучшее зерно, выведенное лучшими, чем он сам, людьми. Еще более редок человек, который мыслит часто, который взывает к разуму в своей деятельности чаще, чем к установившимся привычкам. Хотя он и маскируется, он ведет опасный образ мысли: на него смотрят как на странное существо, которому нельзя доверять, как на ниспровергателя общественной морали; он розовая обезьяна среди коричневых – роковая ошибка. Кроме тех розовых обезьян, которые сумеют переокраситься в коричневый цвет, прежде чем их обнаружат.

Инстинкт коричневых обезьян убивать – верен: такие «розовые обезьяны» представляют опасность для всех человеческих привычек и обычаев.

Редчайший из всех – человек, который умеет мыслить и делает это всегда: быстро, четко, обобщенно. Невзирая на надежду, страх или телесное изнеможение, не впадая в эгоцентризм, не нарушая своего душевного равновесия; он обладает точной памятью, он четко различает факт, предположение и антифакт. Такие люди существуют, Джо, это и есть Новые Люди. Они человечны во всех отношениях, внешне или под скальпом их не отличить от Хомо Сапиенса, но деятельностью они настолько же от него отличаются, как Солнце от жалкой свечки.

– И ты из таких? – спросил Гилеад.

– Как хочешь, так и понимай.

– И ты думаешь, что я, может быть, тоже такой?

– Возможно. Через несколько дней у меня будут новые данные.

Гилеад смеялся так, что на глазах у него выступили слезы.

– Котелок, если я – будущая надежда человечества, лучше побыстрее послать меня в запасную команду. Конечно, я поумнее, чем те увальни, с которыми я сшибался, но, как говорится, соревнование несостоятельно. И нет у меня никаких возвышенных стремлений. Смотрю я на вещи таким же развратным взором, как и каждый второй. Наслаждаюсь, когда бездельничаю со стаканчиком пива. Я просто не ощущаю себя суперменом.

– Кстати о пиве, давай-ка выпьем. – Болдуин поднялся и достал две жестянки. – Вспомни, что Маугли ощущал себя волком. Быть Новым Человеком вовсе не значит не иметь никаких человеческих радостей и удовольствий. В течение всей истории человечества существовали Новые Люди; вряд ли большинство из них подозревало о том, что их отличие от остальных наделяет их правом называть себя новым видом. Хотя они во всем были на голову выше остальных, они заводили детей от дочерей человеческих, растворяли свои таланты в потомках,

смешиваясь с Homo Sapiens, пока случай вновь не собирал вместе генетические факторы.

– Значит, как я понимаю, Новые Люди не особая мутация?

– Ха-ха, а кто – не мутация, Джо? Все мы – сборище миллионов мутаций. Пока мы здесь с тобой сидели, на всем шарике произошли сотни мутаций человеческой зародышевой плазмы. Нет, Homo novus появился не из-за того, что дедушки стояли слишком близко к циклотрону; Homo novus не был даже особой породой, пока не осознал себя сам, не организовался и не решил последовать зову своих генов. Сегодня можно снова смешать Нового Человека со всем остальным видом – и потерять его, он пока еще только вариация, становящаяся представителем вида. Через миллион лет от настоящей минуты – дело другое, осмелюсь предсказать, что Новый Человек того времени и той модели не будет способен смешиваться с Homo Sapiens – не получится жизнеспособного потомства.

– А ты не думаешь, что теперешний человек – Homo Sapiens – исчезнет?

– Не обязательно. Собака же приспособилась к человеку. Вероятно, по количеству их больше, чем в прежнем балансе, и кормятся они лучше.

– Так человек будет собакой Новых Людей?

– Опять-таки не обязательно. Не забудь и кошку.

– Значит, идея в том, чтобы снять сливки с зародышевой плазмы всего вида и держать ее биологически отдельно, пока обе расы не станут сильно отличаться друг от друга? Ну, вы, ребята, хватили... Это же подло, Котелок!

– Обезьянье суждение.

– Возможно. Новая раса неизбежно станет всем управлять...

– А ты что, хочешь, чтобы Новые Люди решали серьезные вопросы, учитывая все обыкновенные человеческие сопливые носы?

– Да вот о том я и толкую. Провозглашая новую расу, придешь к неизбежному результату. Котелок, я сознаюсь, что предпочитаю обезьяньи предрассудки: демократию, человеческое достоинство и свободу. Моя точка зрения лежит вне логики, но это мир, который мне нравится. Я по работе якшался с самыми отбросами общества, делил с ними их скудную еду и питье. Да, они, может быть, глупы, но не такие уж они плохие – нет у меня желания видеть, как они станут домашними животными.

Впервые за время разговора великан проявил беспокойство. «Маска» Короля Геликоптеров, торговца и хозяина, соскользнула, он сидел в задумчивом величии, одинокий и несчастный.

– Понимаю, Джо. Они – часть нас, их немногие достоинства, их благородство не становятся меньше из-за их жалкого состояния. И все же – так должно быть.

– Почему? Новый Человек грядет – и прекрасно. Но зачем же искусственно ускорять процесс?

– Спроси себя самого. – Он указал на бункер. – Десять минут назад мы с тобой спасли эту планету, весь наш вид. Это час ножа. Кто-то должен быть на страже, если виду нужно выжить, нет больше никого, годного на эту роль, кроме нас. Чтобы эффективно охранять, мы, Новые Люди, должны быть организованы, нам нужно не прозевать такой кризис – и нам необходимо пополнять свои ряды. Нас сейчас мало, Джо, когда количество кризисов возрастет, нас должно быть гораздо больше. В конце концов – эта раса обречена, тут вопрос времени, – мы должны взять вверх над ними, чтобы быть уверенными, что дитя никогда не станет забавляться со спичками.

Он умолк и немного подумал.

– Я тебе признаюсь, Джо, что у меня тоже привязанность к демократии. Но это похоже на желание дожидаться Санта-Клауса, в которого ты верил ребенком. Сто пятьдесят лет или около того демократия, или что-то в этом духе, могла свободно процветать. Результаты такого

правления получились такие, каких можно было достичь без неприятностей, путем голосования простых людей, одураченных и невежественных, – а они такими и были, и есть. Но теперь, когда стоит вопрос о выживании вида, политические решения зависят от реального знания таких вещей как атомная физика, планетная экология, теория генетики и даже системная механика. Они к этому не готовы, Джо. При самых лучших намерениях и с большим желанием учиться – меньше чем один из тысячи способен не заснуть над страницей молекулярной физики; они не в состоянии изучить то, что должны знать.

Гилеад не соглашался:

– Так мы должны обучить их. Они всем сердцем этого хотят: объясни им реальное положение вещей – и они дойдут до правильных ответов.

– Нет, Джо. Мы это пробовали: не получается. Как ты говоришь, большинство из них не так уж плохи, наподобие того, как собака может быть благородной и доброй. Но встречаются и дурные – миссис Кейтли с компанией и ей подобные. Здравый смысл – бессилён против вздора и непрекращающейся лжи грубых и эгоистичных людей. Маленький человек не обладает способностью верно судить, а претенциозная ложь подается все в более привлекательной упаковке. Нет возможности растолковать дальтонику, что такое цвет, – и точно так же не можем мы человека с несовершенными мозгами научить отличать ложь от правды.

Нет, Джо. Пропасть между нами и ими узка, но очень глубока. Мы не можем ее заполнить.

– Я бы хотел, – сказал Гилеад, – чтобы ты не записывал меня в эти свои «Новые Люди», – мне больше по душе быть на другой стороне.

– Ты сам решишь, на какой ты стороне, как это уже сделал каждый из нас.

Гилеад настоял на перемене темы разговора. Обычно он не склонен был к душевному волнению, но этот разговор расстроил его. Он понимал аргументы Болдуина и соглашался, что они справедливы, но душа его восставала против них. Перед ним обнажилась острейшая из всех трагедий: абсолютное противостояние двух в равной мере благородных и имеющих законное право на существование точек зрения.

– И что же вы тут делаете – кроме того, что воруете пленки?

– М-м-м... Много чего. – Болдуин с облегчением расслабился и опять стал выглядеть преуспевающим бизнесменом. – Толчок туда, пинок сюда – так и удастся удержать горшок с кашей в равновесии, а в свободное время мы регулируем давление всевозможными окольными способами. Да еще отыскиваем подходящий материал и притаскиваем его в свое лоно, когда это удастся – мы же за тобой десять лет наблюдали.

– Да-а?

– Ага. Это только первоначальное мероприятие. Изучая общественные события, мы исключаем всех, кроме одной десятой от одного процента: вот за этим тысячным индивидуумом мы наблюдаем. А кроме того, мы занимаемся общественной агрономией. – Он усмехнулся.

– Закончи же свою остроту.

– Мы пропальваем людей.

– Извини, я сегодня несколько туп.

– Джо, разве ты никогда не испытывал неудержимого желания искоренить какое-то зло, вырезать вонючее гнилое мясо, которое заражает всех, кто с ним соприкасается, и все же – наделено законным правом на существование? Мы с ними обращаемся как с раковыми опухолями: мы их удаляем из тела общества. Мы ведем учет «Подлежащих Смерти»; когда человек становится полным моральным банкротом, мы закрываем его жизненный счет при первой же возможности.

Гилеад улыбнулся:

– Если бы вы могли быть уверены, что всегда правы – было бы прекрасно.

– А мы всегда уверены, хотя наши методы конечно не оправдал бы обезьяний суд. Возьмем миссис Кейтли – у тебя на ее счет есть какие-то сомнения?

– Нет.

– Почему же ты не хочешь ее приговорить? Не затрудняй себя ответом. Или, например, через две недели состоится грандиозное шаманское сборище возобновленного, ставшего лучше-и-крупнее-чем-раньше куклукс-клана на горной вершине по дороге к штату Каролина. Когда веселье достигнет апогея, когда они будут выкрикивать свои непристойности, накачивая друг друга и пробуждая один в другом разрушительный дух, по Божьей воле свершится акт, который уничтожит всю эту шайку. Весьма печально.

– А я не могу в этом участвовать?

– Ты еще даже не ученик. – Болдуин продолжил:

– Есть проект увеличения наших рядов, но это программа, рассчитанная на тысячу лет. Чтобы ее выверить, надо иметь вечный календарь. Гораздо важнее сейчас держать спички подальше от дитяти. Джо, прошло восемьдесят пять лет с тех пор, как мы казнили последнего комиссара: тебя не удивляло, почему в науке так мало сделано за это время?

– Разве? Произошло столько перемен!

– Незначительные переделки, кое-какие эффектные результаты, но ничто из этого не захватывает основ науки. Разумеется, при коммунизме был достигнут весьма небольшой прогресс: тоталитарный политический режим несовместим со свободными исследованиями. Заметь: коммунистическое безвременье ответственно за то, что Новые Люди сплотились и организовались. Большинство Новых Людей – ученые, по совершенно очевидным причинам. Когда коммунисты попытались управлять естественными законами с помощью политики – лысенковщина и тому подобная бессмыслица, – многие из нас ушли в подполье.

Опущу детали. Это нас сплотило, дало практику подпольной деятельности. Основные исследования стали вестись в тайне. Некоторые из них были явно опасными, и мы решили на время их отложить. С тех пор количество тайных знаний значительно выросло, так как мы не позволяем им выйти наружу, пока убеждены, что они представляют опасность. Поскольку большая часть этих знаний опасна и поскольку вне нашей организации действительно есть очень мало людей, способных к подлинно оригинальному мышлению, официальная наука почти стояла на месте.

Мы не ожидали, что придется действовать таким способом. Мы надеялись на то, что новая конституция либеральна и действенна. Но новая республика оказалась еще более жалкой, нежели прежняя. Прогнившая этика коммунизма продолжает развращать даже после того, как исчезла эта форма правления. Мы продержались. Теперь мы знаем, что должны продержаться до тех пор, пока не изменится все общество.

– Котелок, – медленно произнес Джо, – ты говоришь так, как будто был свидетелем всего этого. Сколько же тебе лет?

– Я скажу это тебе, когда ты будешь в таком же возрасте. Человек прожил достаточно, если у него нет жажды жизни. Я до этого еще не дошел. Джо, мне нужен твой ответ, или этот разговор должен продолжиться при нашем следующем свидании.

– Ты его уже получил в начале – но послушай, Котелок, есть одна работенка, я хотел бы, чтобы ее поручили мне.

– Какая же?

– Я хочу убить миссис Кейтли.

– Не спеши так, не то штаны потеряешь. Когда ты пройдешь обучение и если она тогда все еще будет жива, тебя смогут для этой цели использовать...

– Спасибо!

– ... при условии, что ты окажешься подходящим инструментом. – Болдуин повернулся к микрофону, позвал: – Гэйл! – и добавил еще одно слово на чудном языке.

Гэйл немедленно появилась.

– Джо, – сказал Болдуин, – когда эта юная леди кончит с тобой заниматься, ты будешь уметь петь, свистеть, жевать резинку, играть в шахматы, задерживать дыхание и одновременно со всем этим запускать воздушного змея, да еще не слезая с подводного велосипеда. Бери его, сестренка. Он твой.

Гэйл потерла руки:

– О, вот повезло!

– Сперва мы должны научить тебя видеть и слышать, затем запоминать, после – говорить, а уж тогда – думать.

Джо взглянул на нее:

– А что же я, по-твоему, проделываю сейчас?

– Это не разговор, а какое-то бурчание. Кроме того, английский язык по своей структуре не приспособлен к мышлению. Замолкни и слушай.

В подземной классной комнате у Гэйл была специальная аппаратура для записи и воспроизведения света и звуков. На экране вспыхнули и быстро погасли светящиеся цифры.

– Что там было Джо?

– ... девять-шесть-ноль-семь-два... Это все, что я увеоил.

– Цифры держались целую тысячную долю секунды. Почему ты запомнил только левый край ряда?

– Дальше не успел прочесть.

– А ты смотри на все сразу. Не делай усилий воли, просто смотри.

Она высветила другой ряд цифр.

Память Джо от природы была неплохой, интеллект высоким, но насколько именно, он пока не знал. Отнюдь не убежденный, что такая тренировка ему полезна, он расслабился, и эта игра стала его забавлять. Скоро он начал ухватывать ряд чисел на девять знаков как единое целое; Гэйл уменьшила время вспышек.

– Что это за волшебный фонарь такой? – спросил он.

– Тахистоскоп Рейншоу. Вернись к работе! Во время второй мировой войны доктор Сэмюэль Рейншоу в государственном университете штата Огайо доказал, что большинство людей только на одну пятую используют свои способности видеть, слышать, ощущать вкус, чувствовать и запоминать. Его исследования были поглощены трясинной коммунистической псевдонауки, которая распространилась после войны, но открытия Рейншоу сохранились в подполье.

Гэйл не познакомила Гилеада со странным языком, который он уже слышал, пока он не прошел полную тренировку по методу Рейншоу.

Тем не менее, со времени его разговора с Болдуином другие обитатели ранчо при нем пользовались этим языком. Иногда кто-нибудь – чаще всего мама Гарвер – переводила, иногда – нет. Гилеаду льстило, что он здесь принят, но он пришел в замешательство, когда узнал, что находится на низшей ступени ученичества. Он был ребенком среди взрослых.

Обучая его слушать, Гэйл произносила по одному слову чудного языка и требовала, чтобы он их повторял.

– Нет, Джо. Смотри. – На этот раз, произносимое ею слово появлялось на экране со звуковым анализом – это напоминало прием, с помощью которого глухонемым показывают их речевые ошибки. – Теперь попробуй.

Он попытался прочесть две таблицы, висящие рядом.

– Ну как, учительница? – спросил он самодовольно.

– Ужасно, хуже некуда. У тебя гортанные получаются слишком долгими, – она показала, – средняя гласная произносилась слишком глубоко, ты сделал ее слишком низкой, и у тебя не получилось повышающейся интонации. И еще шесть других ошибок. Ты, наверное, не понял как следует. Я разобрала, что ты сказал, но это была ужасная тарабарщина. И не называй меня «учительницей».

– Есть, мэм, – ответил он церемонно. Она нажала на кнопки; вторая попытка. На этот раз линии графического анализа его произношения накладывались на линии образца, если они совпадали, они стирались. Когда же они не совпадали, его ошибки выделялись контрастирующими цветами. Изображение на экране напоминало взрыв солнца.

– Попробуй еще, Джо.

Она повторила слово так, чтобы оно даже не отразилось на дисплее.

– Проклятье! Если бы ты объяснила мне, что означает это слово, вместо того чтобы обращаться со мной так, как обращался со своими дочерьми Мильтон, обучая их латыни, это бы мне помогло.

Гэйл пожала плечами:

– Не могу, Джо. Сначала ты должен научиться слышать и произносить. Скоростная речь – флективный язык, одно и то же слово в нем многократно видоизменяется. Вот, например, такое применение этого слова означает: «Далекие горизонты не приближаются». Не особенно помогает, правда?

Объяснение казалось неправдоподобным, но он уже научился не сомневаться в ее словах. Он не привык иметь дело с женщинами, которые во всем были на две головы выше его, эту же ему хотелось поколотить. Неужели, думал он, такая реакция и есть то, что романисты называют «любовью»; он решил, что такого быть не может.

– Попробуй еще, Джо.

Скоростная речь по строению отличалась от любого, языка, которым до сих пор пользовался какой-либо народ. Давно уже Огден и Ричардс показали, что восьмисот пятидесяти слов хватает, чтобы выразить все, что соответствует потребности «нормального» человека; к ним можно прибавить около сотни специальных слов для каждого отдельного рода деятельности, вроде лошадиных скачек или баллистики. Примерно в то же время фонетики проанализировали звуки всех человеческих языков и обнаружили, что их около ста с небольшим – звуков, представленных всеобщими фонетическими символами.

Эти два положения лежали в основе скоростной речи.

В фонетическом алфавите гораздо меньше звуков, чем слов в Бейсик Инглиш. Но каждый знак, представляющий звук в фонетическом алфавите, может иметь несколько различных вариаций, которые обеспечиваются длиной звука, ударением, тоном, падением и подъемом интонации. Чем больше натренировано ухо, тем больше количество возможных вариаций; вариациям нет предела, но, без особых усовершенствований общепринятой фонетической практики, стало возможным настолько соотнести этот язык с Бэйсик Инглиш, это один фонетический символ стал эквивалентным целому слову в «нормальном» языке, одно слово скоростной речи сделалось равнозначным целому предложению. В результате язык стал выучиваться буквенными единицами скорее, чем словесными – но каждое слово произносилось и выслушивалось как единое структурное целое.

Однако скоростная речь не была «стенографическим» Бейсик Инглиш. Так как «нормальные» языки берут свое начало во временах суеверий и невежества, они неизбежно переняли по наследству неверные структуры или ошибочные представления о вселенной. По-английски можно логически мыслить только с чрезвычайным усилием, настолько он

несовершенен как ментальный инструмент. Например, глагол «быть» в английском имеет двадцать одно значение, каждое из которых вовсе не соответствует факту бытия.

Структура речевого общения при помощи символов, изобретенная вместо общепринятой, была создана соответственно реальному миру. Строение скоростной речи не содержит скрытых дефектов английского языка, этот язык был создан настолько соответствующим реальному миру, насколько это могли сделать Новые Люди. Например, он не содержал несуществующего в действительности различия между существительным и глаголом, которые мы видим в большинстве других языков. Мир – то есть континуум, известный науке и включающий всю человеческую деятельность – не содержит «понятий-существительных» и «понятий-глаголов»; он содержит явления пространства-времени и отношения между ними. Преимущество языка, приближенное к истинной сущности мира или к чему-то более похожему на сущность, подобно преимуществу ведения расходных книг арабскими цифрами, а не римскими.

На всех остальных языках научная многосторонняя логика почти недостижима; используя новый язык невозможно мыслить нелогично. Сравним ясную логику Буля ^[3] с темным смыслом аристотелевской логики, которую она заменила.

Парадоксы вербальны, в реальном мире они не существуют – и скоростная речь не имеет парадоксальных построений. Кто бреет испанского парикмахера? Ответ: сходи и посмотри. В синтаксисе скоростной речи парадокс испанского парикмахера не может и содержаться, разве что в очевидной ошибке.

Но Джо Грин-Гилеад-Бриггз не мог выучить этот язык, пока не научился слышать, обучаясь говорить. Он трудился до изнеможения, а экран продолжал светиться его ошибками.

Но наконец наступило время, когда рисунок образца, выполненный Гэйл, полностью стирался, экран сделался темным. Гилеад радовался, как никогда раньше.

Однако восторг его был недолгим. Используя схемы, которые Гэйл продуманно наладила заранее, машина ответила ему звуком фанфар, громкими аплодисментами, а потом добавила ехидно:

– Какой хороший маменькин сынок!

Он повернулся к Гэйл:

– Женщина, ты говорила о браке. Если тебе когда-нибудь удастся женить меня на себе, я тебя поколочу.

– А я еще не решила насчет тебя, – ответила она ровным голосом. – Теперь попробуй это слово, Джо.

В тот же вечер появился Болдуин, отозвал Гилеада в сторонку:

– Джо! Подойди-ка. Слушай, ухажер, отдели-ка животную часть своей природы от работы, не то я найду тебе другого учителя.

– Но...

– Ты меня слышал. Приглашай ее купаться, кататься – в часы, когда ты принадлежишь себе. Рабочее время – только для дела. У меня относительно тебя особые планы, я хочу, чтоб ты как следует научился всему.

– Она что, нажаловалась на меня?

– Не глупи. Это моя обязанность – быть в курсе всего, что происходит.

– Гм-м-м... Котелок, а что это она болтает о том, что ищет мужа? Это она серьезно или просто хочет меня смутить?

– Спроси у нее. Вообще-то можешь не спрашивать. Ведь у тебя никакого выбора нет, если она имеет такое намерение – она своего добьется.

– Ух ты! А у меня создалось впечатление, что «Новые Люди» не утруждают себя свадьбами и тому подобными, как ты выражаешься, «обезьяньими привычками».

– Некоторые – нет, а другие – да. Что до меня, так я был как следует женат, а есть тут у нас одна тихонькая мышка, у которой девять ребятишек от девяти разных отцов – и все детишки блещут удивительным интеллектом. С другой стороны, могу указать тебе на мать одиннадцати ребятишек – Талию Вагнер – которая ни разу не поглядела ни на какого другого мужчину, кроме их отца. Гении, Джо, играют тут по собственным правилам, они всегда так делают. Вот тебе несколько установленных статистических фактов о гениях, они приводятся в работе Армато...

Он назвал эти факты и продолжал:

– Гении обычно живут долго, от скромности не умирают, если говорить честно, имеют неограниченную способность выносить боль, эмоционально индифферентны к принятым моральным кодексам – устанавливают собственные правила. На тебе, кстати, вроде бы имеются пятна гениальности.

– Спасибо и на том. Может, мне и стоит позаниматься с другим учителем, если есть кто-то, кто может меня учить.

– Любой из нас может это делать, точно так же как любой может учить ребенка разговаривать. Она вообще-то биохимик, когда у нее остается для этого время.

– Когда у нее остается время?

– Будь осторожен с этой девочкой, сынок. Ее настоящая профессия та же, что и у тебя, она опытный наемный убийца. Свыше трехсот человек уничтожила. – Котелок усмехнулся. – Так что, если захочешь поменять учителя – только подмигни мне.

Гилеад-Грин быстро сменил предмет разговора:

– Ты что-то говорил насчет работенки для меня, а как с миссис Кейтли? Она еще жива?

– Да, будь она проклята.

– Не забудь, что у меня с ней счеты.

– Возможно, тебе придется отправиться на Луну, чтобы ее достать. Она сообщила, что будет строить там дом для заслуженного отдыха. Годы вроде бы начали на ней сказываться; а ты бы лучше выполнял домашнее задание, если тебе не терпится встретиться с ней.

Лунная Колония тогда уже была центром для богатых престарелых. Их сердца легче переносили низкую гравитацию, она позволяла им чувствовать себя молодыми – и, возможно, продлевала им жизнь.

– О'кей, буду учиться.

Вместо того чтобы попросить нового учителя, Джо захватил на следующее занятие великолепное гляцевое яблоко. Гэйл съела его, оставив своему ученику только небольшой огрызок, и заставила его работать еще больше, чем всегда. Совершенствуя его слух и произношение, она начала разрабатывать с ним словарь, состоящий из тысячи буквенных обозначений, принуждая его говорить простыми трех – и четырехбуквенными фразами, отвечая на них другими словами-предложениями, с использованием тех же фонетических значков. Некоторые сочетания гласных и согласных были очень трудны для произношения.

Он овладел ими. Гилеад привык к тому, что многое усваивал быстрее тех, кто его окружал, теперь же он оказался в весьма живо соображающей компании. Он напрягся изо всех сил и начал использовать часть своих громадных скрытых способностей. Когда он стал улавливать кое-что из застольных разговоров и отвечать на услышанные реплики на простой скоростной речи, поскольку Гэйл запрещала ему прибегать к английскому, она стала обучать его дополнительной лексике.

Экономичный язык не может быть сведен к тысяче слов; хотя почти всякую мысль можно как-то выразить небольшим количеством слов, все же удобно прибегать к более высокому порядку абстракции. Для технического лексикона скоростная речь пользовалась откровенными

заимствованиями – около шестидесяти из возможных тысячи с лишним фонем. Это были буквенные обозначения, обычно используемые как цифры, если же перед обычной цифрой поставить букву, тогда этот символ будет иметь словесный смысл.

Новые Люди считали по системе, основанной на числе шестьдесят: 3x4x5, – удобная система с несложным разложением на множители, наиболее экономичная, то есть символ «100» соответствовал английскому числу, описываемому как «тридцать шесть сотен», еще такая система позволяла совершать мгновенное преобразование в голове на скоростную речь – и обратно.

Пользуясь такими цифрами, перед каждой из которых стоял буквенный индикатор – безгласная валлийская или бирманская «единица», – можно получить лексический запас в 215999 слов (на одно меньше, чем куб шестидесяти), пригодных для выражения различных значений, причем не нужно было применять более четырех цифр, включая индикатор. Большинство этих слов произносилось в один слог. Тут не было строгой простоты основной скоростной речи, но, тем не менее, такие понятия как «питающееся рыбой животное» или «соответствие с конституцией» были таким способом спрессованы до односложных. Подобные сокращения лучше всего могли бы оценить те, кому случалось слышать, как длинная речь на кантонском диалекте китайского языка переводится на более краткий английский. Все же, английский еще не самый сжатый из «нормальных» языков, а расширенная скоростная речь во много раз экономнее кратчайшего из «нормальных» языков.

Включением еще одной буквы (шестьдесят в четвертой степени) могут быть добавлены, если понадобится, тринадцать миллионов слов, – и большую часть из них еще возможно произносить в один слог.

Когда Джо понял, что Гэйл хочет, чтобы он запомнил за несколько дней две сотни тысяч новых слов он заартачился:

- Ну тебя к черту, Затейливые Брючки, я же не супермен. Я по ошибке сюда попал.
- Твое мнение в расчет не принимается, а я считаю, что ты это можешь. Теперь слушай.
- Предположим, я завалюсь, – тогда-то меня вычеркнут из твоего списка возможных жертв?
- Если ты завалишься, я не намажу тебя на бутерброд. Вместо этого оторву тебе голову и спущу ее прямо тебе в глотку. Но ты не завалишься, я-то знаю. И все-таки, – добавила она, – что-то я не уверена, что из тебя получится удовлетворительный муж: ты слишком много споришь.

Он кратко и ехидно огрызнулся на скоростной речи, она ответила одним словом, которое в подробностях характеризовало его недостатки. И они принялись за работу.

Джо ошибался: он выучил весь расширенный лексикон, как только его услышал. Он обладал потенциальной образной памятью: а методы Рейншоу теперь позволили ему полностью ее использовать. И его ментальные процессы, быстрые всегда, стали гораздо быстрее, чем он сам это осознавал.

Сама по себе способность выучить скоростную речь уже доказывает сверхнормальность интеллекта; применение этого языка на практике еще более совершенствует данный интеллект. Еще до второй мировой Альфред Корзубский доказал, что человеческая мысль, когда она работает эффективно, выражается в символах; понятие о «чистой мысли», свободной от абстрактных речевых символов, всего только фантазия. Мозг сконструирован так, что может работать без символов только на животном уровне, говорить о «мысли» без символов – значит говорить ерунду.

Скоростная речь не только ускорила коммуникацию – она, благодаря своей структуре, сделала мысль более логичной; ее экономичность значительно ускорила мыслительные процессы, поскольку для того, чтобы подумать нужно было примерно столько же времени,

сколько и для произнесения того же слова.

Монументальная работа Корзюбского подняла целые пласты науки во время коммунистического безвременья. «Капитал» – просто детский лепет, если исследовать его, применяя семантику, поэтому политбюро уничтожило семантику и заменило ее неким эрзацем, так же как лысенковщина заменила науку о генетике.

Владея скоростной речью настолько, что усвоенная часть помогала овладевать остальным, Джо учился очень быстро. Продолжал он упражняться по системе Рейншоу: теперь он был способен ухватить «гештальт» ^[4], или конфигурацию во многих смыслах сразу, уяснить, запоминать, размышлять над образами с большой скоростью.

Жизненное время для человека не соответствует календарному: для него оно – мысль, которая протекает у него в мозгу. Любой человек, способный изучить скоростную речь, имеет, по крайней мере, в три раза больше фактического времени, чем обычный индивидуум. Скоростная речь давала ему возможность манипулировать символами примерно в семь раз быстрее, чем это можно делать при помощи английского. Семью три – двадцать один, итого – новый человек имел эффективного жизненного времени, по крайней мере, шестнадцать сотен лет, если учитывать процесс мысли. У него хватало времени, чтобы стать энциклопедистом, тогда как для обычного человека это невозможно из-за связывающей его смирительной рубашки отпущенных ему лет.

Когда Джо научился говорить, читать, писать и считать, Гэйл передала его на обучение другим. Но прежде чем она с ним покончила, она сыграла с ним несколько обидных и неприятных шуточек.

На три дня она запретила ему есть. Когда сделалось очевидно, что он способен мыслить и сдерживать свое недовольство, несмотря на низкий показатель сахара в крови, несмотря на голод, – она добавила к этим лишениям еще бессонницу и боль – интенсивную, продолжительную и видоизменяющуюся боль. Она изощренно пыталась довести его до какого-нибудь бессмысленного действия, но он оставался твердым как скала, мозг его выполнял любое задание, точно непреклонный компьютер.

– Так кто же тут не супермен? – спросила Гэйл в конце их последнего занятия.

– Никто, учительница.

– Давай сюда уши.

Она потянула его за уши, крепко поцеловала:

– Пока.

Он не виделся с ней много недель.

Наставником Гилеада в обучении ЭСВ был ничем не примечательный с виду маленький человечек, который как бы для маскировки носил скромное имя Уимс. Джо не особенно блистал в проявлениях ЭСВ. Оказалось, что к ясновидению он вовсе не способен. С предвидением было чуточку лучше, но это качество не развивалось, несмотря на практику. Лучшее всего у него получался телекинез: он мог заставить слегка оживать игральные кости. Но, как уже заметил Котелок, от воздействия на движение игральной кости до передвижения тонн груза большое расстояние – и такое, что его, вероятно, не стоит преодолевать.

– Это, однако, может иметь другое полезное применение, – мягко заметил Уимс, переходя на английский. – Подумайте, что можно сделать, если вы сумеете повлиять на способность нейрона достичь определенного ядра – или преобразовать статическую возможность в массу.

Гилеад не стал над этим задумываться: это была отвратительная идея.

В телепатии он был туп до отчаяния. Однажды он смог без запинки назвать карты Раина, потом у него это плохо получалось в течение трех недель. Более высоко организованная способность к коммуникации, казалось, была вовсе недоступна ему, пока однажды, без всякой

видимой на то причины, просто во время попытки назвать карты при помощи телепатии, он не обнаружил, что общается с Уимсом телепатически, и это продолжалось в течение целых десяти секунд – времени, достаточного для произнесения тысячи слов скоростной речи.

– получается как речь!

– почему нет? Мысль – это речь.

– как мы это проделываем?

– если бы мы знали, это не было бы так ненадежно, как оно есть: кто-то может это проделывать по собственной воле, кто-то – случайно, а некоторые вообще никогда не могут. Как нам известно: в то время как мысль никоим образом не относится к миру физического, насколько мы теперь можем определить, она подобна явлениям в континууме своей квантовой природы. Вы теперь изучаете распространение квантовой концепции на все черты континуума, вы знаете хронон, мензум и витон как кванты, а также действия квантов, таких, как фотон. Континуум во всех своих чертах имеет не только структуру, но и текстуру. Тончайшую единицу мысли мы определяем как психон.

– определяем – сыплем соль ей на хвост.

– когда-нибудь, когда-нибудь. Могу вам сказать: быстрейшая скорость возможной мысли есть один психон в один хроном; это основная универсальная константа, – насколько мы к ней приближаемся?

– меньше чем на шестьдесят в минус третьей степени возможности.

– !!!!!

– лучшие создания, чем мы, последуют за нами. Мы подбираем камушки на берегу безбрежного океана.

– что мы можем сделать, чтобы это усовершенствовать?

– собирать камушки с серьезными намерениями.

Гилеад сделал паузу на долгую долю секунды, чтобы подумать.

– можно ли разрушить психон?

– витоны могут быть преобразованы, психоны же...

Связь их внезапно прервалась.

– Так я говорил, – спокойно продолжал Уимс, – что психоны пока во многих отношениях за пределами нашего понимания. Теория утверждает, что их нельзя разрушить – что мысль, как и деятельность, непрерывна. Если эта теория верна, то все еще остается открытым вопросом, означает ли она, что личное тождество тоже непрерывно. Посмотрите ежедневные газеты – времен, отстоящих от сегодняшнего дня на несколько сотен лет или несколько сотен тысяч. – Он умолк.

– С нетерпением жду завтрашнего занятия, чтобы попробовать, док, – почти прожурчал Гилеад-Грин. – Может быть...

– Я с вами закончил.

– Но, доктор Уимс, эта связь получилась прямо как по телефону. Возможно, завтра...

– Мы установили, что ваш талант неустойчив. У нас нет способа сделать его надежным. Время слишком коротко, чтобы понапрасну его тратить – ваше ли, мое ли. – Внезапно перейдя на английский, он добавил: – Нет.

Гилеад ушел.

Во время тренировки в других областях Джо познакомился со многими вещами, производящими сильное впечатление. Среди них интегрирующий пантограф, фабрика-коробочке, которую Новые Люди собирались предоставить обыкновенным людям, как только социальной системой перестанут управлять экономические шакалы. Она могла воспроизвести почти любой прототип, положенный на ее платформу, требуя для этого только сырье и энергию.

А энергия вырабатывалась крошечной ядерной установкой размером с большой палец Джо; теория, по которой она действовала, переворачивала верх дном все условные понятия об энтропии. Закладываешь «сосиску», получаешь – «свинью».

В ней была скрыта форма экономической системы, настолько отличающейся от существующей, насколько общественное производство отличалось от системы маленьких домашних мастерских, и в ней лежали возможности человеческой свободы и достоинства, каких не хватало людям столетиями – если они вообще когда-нибудь существовали.

Тем временем Новые Люди редко покупали больше одного экземпляра каких-то вещей, используя его в качестве образца. Или этот образец они изготавливали сами.

Другой полезной, но едва ли настолько же удивительной вещью был комбайн, объединяющий диктофон, пишущую машинку и ксерокс. Машинные анализаторы распознавали каждый из тысячи с лишним фонетических символов, для каждого из звуков имелись печатающие клавиши. Комбайн мог и размножать напечатанное. Многие знания Гилеад получил, благодаря печатным страницам, изготовленным этим приспособлением, сберегающим драгоценное время человека.

Систематизация, классификация и доступность информации во все века остается насущной проблемой. Что касается Новых Людей, то их совершенная и организованная память снимала большую часть этой проблемы: сокращалось необходимое количество магнитофонных записей, чтения и письма – гораздо меньше надо было читать и писать, и ненужной становилась наиболее досадная часть работы – перечитывание. Автоматическое записывающее приспособление, соединенное с «библиотечной» машиной, которая умела «слышать» некоторую часть скоростной речи, встроенное в систему карточной записи, снимало почти все остальные проблемы. Новые Люди не затрудняли себя возней с газетами. Они никогда не писали хроник.

Территория, занятая ранчо, так и кишела новейшими техническими чудесами, представляющими самое последнее слово науки. Невероятно крошечные манипуляторы для всевозможных целей – хирургических, химических, биологических, всевозможные кибернетические приспособления. Список этих чудес слишком длинен, чтобы его приводить. Джо не все их изучал, синтетический энциклопедист связан с общими структурными областями знания; он не в состоянии, даже используя скоростную речь, изучить подробно каждую отрасль.

На ранней стадии занятий, как только стало ясно, что Джо имеет потенциальные возможности закончить курс, с помощью пластической хирургии ему сделали новую внешность. Рост уменьшили на три дюйма, изменили форму черепа, цвет лица стал темнее. Черты для его нового лица подобрала Гэйл, и Гилеад не возражал.

Ему даже нравилось эта новая внешность: она больше, чем прежняя подходила к его новой внутренней сущности.

Обладая новым лицом, новыми мозгом, новыми взглядами, он и в самом деле стал другим человеком. Прежде он был гением от природы, теперь же сделался гением натренированным.

– Джо, как насчет прогулки верхом?

– Идет.

– Я хочу взять Военного Победителя. Его приучают к седлу – пусть потренируется.

– Правильно.

Котелок и Гилеад-Грин выехали из ворот ранчо. Болдуин пустил коня шагом и начал разговор.

– Думаю, ты уже готов к работе, сынок. – Даже в звуках скоростной речи Болдуина Котелка сохранялась его собственная интонация.

– Наверно, так, но у меня все еще остаются эти самые ментальные резервы.

– Ты по-прежнему не убежден, что мы на стороне ангелов?

– Я уверен, что ты к этому стремишься. Очевидно, что организация подбирается по признаку наличия в человеке доброй воли и намерений, так же как и умственных способностей. Правда в одном случае я не был уверен...

– Да?

– Я имею в виду того кандидата, который прибыл сюда шесть месяцев назад и потом сломал себе шею, свалившись с лошади.

– Ах да. Очень печально.

– Ты хочешь сказать – очень удобно, Котелок?

– Да к чертям, Джо, если гнилое яблоко здесь задерживается, мы не можем его отсюда выпустить. – Болдуин перешел на английский, чтобы выругаться: он находил, что так «больше смаку».

– Я понимаю. Поэтому я и уверен в качестве наших людей.

– Значит, теперь они «наши люди»?

– Да. Но я не убежден, что мы на верном пути.

– Каково же твое представление о «верном пути»?

– Нам надо выйти из подполья и учить обычных людей тому, чему они способны научиться. Обычный человек может усвоить многое и может использовать эти знания. Будучи как следует образован и натренирован, он сможет куда лучше управляться со своими делами. Он с радостью скинул бы тех, никуда не годных, которые сидят у него на закорках, если бы только знал, как это сделать. Мы могли бы ему показать – как. Это куда больше соответствовало бы нашей цели, чем убийство то одного, то другого по политическим мотивам. Понимаешь, я не против убийства того, кто этого заслуживает, я только утверждаю, что это неэффективно. Без сомнения, мы должны быть на страже, чтобы предотвращать такие кризисы, как тот, который свел нас с тобой, но в основном люди могли бы управляться с собственными делами сами, если бы мы не претендовали на исключительность и не утверждали, что не можем смешиваться с обыкновенными людьми, если бы мы вышли из подполья и подали им руку.

Болдуин натянул уздечку.

– Уж не говори, Джо, что я не смешиваюсь с простым народом: я же продаю подержанные вертолеты, чтобы иметь на жизнь. Каждого простого человека нельзя привлечь к себе. И не намекай на то, что я будто бы не с ними всей душой. Мы на них не похожи, но мы с ними связаны прочнейшими узами, потому что все мы страдаем от одной роковой болезни – мы живые.

А что до убийств, так ты не понимаешь их принципиального значения в качестве политического оружия. Прочти... – он назвал один из библиотечных указателей на скоростной речи. – Если бы меня вывели из строя, наша организация даже не икнула бы, но другое дело – организации, преследующие дурные цели. Они являются персональными империями. Если правильно выбрать время и метод, можно совершенно разрушить подобную организацию, убив одного человека – те части ее, которые останутся, будут почти безвредными, пока не найдется новый вождь, – тогда ты опять убиваешь, именно его. Вовсе это не неэффективно, очень даже действенно, если все спланировать при помощи мозгов, а не эмоций. Что касается нашей изоляции, так мы вроде как U-235 внутри U-238, не будет эффекта, пока не изолируешь. В каждом поколении были потенциальные Новые Люди, но там они терялись в массе других.

Что до конспирации, так она крайне необходима, если мы хотим выжить и увеличить свои силы. Нет ничего более опасного, чем быть Избранным Народом – и при этом оставаться в меньшинстве. Одну такую группу преследовали в течение двух тысячелетий – только за то, что они претендовали на избранность. – Он опять перешел на английский, чтобы выругаться: – Черт

возьми, Джо, взгляни ты правде в глаза! Этот мир управляется вроде того, как моя тетушка Сузи управляла бы вертолетом. Скоростная речь или не скоростная, но обычный человек не в состоянии справиться с современными проблемами. Что толку болтать о неиспользованных резервах его мозга, когда у него просто нет желания выучить то, что ему необходимо знать. Невозможно снабдить его новыми генами, а потому приходится водить его за ручку, чтобы не позволить ему убить себя самого – и нас. Мы можем предоставить ему личную свободу, можем обеспечить ему автономию во многих областях, можем дать ему значительную меру личного достоинства – и мы охотно это сделаем, потому что, личная свобода на всех уровнях ведет к эволюции, обеспечивает максимум выживаемости. Но мы не позволим ему играть жизнью и смертью нашего вида.

Тут ничего не поделаешь. Каждая форма общества создает свою собственную этику. Мы вырабатываем ту, к которой неумолимо принуждает нас логика событий. Мы считаем, что вырабатываем ее во имя выживания.

– Точно? – усомнился Гилеад-Грин.

– Увидим. Кто выживет – выживет. Поглядим... Ого! Наш митинг переносится на другое время.

Приемник у луки седла Болдуина начал вызывать его по личному срочному коду.

– Поворачиваем к дому, Джо! – Он пришпорил коня и исчез из виду. Скакун Джо был менее чистых кровей, ему пришлось потрудиться, догоняя.

Болдуин послал за Джо сразу же, как тот вернулся. Джо вошел; там уже сидела Гэйл.

Лицо Болдуина ничего не выражало. Он сказал по-английски:

– У меня есть для тебя работенка, Джо, та работенка, насчет которой у тебя нет никаких сомнений. Миссис Кейтли.

– Прекрасно.

– Не так уж прекрасно. – Болдуин перешел на ускоренную речь. – Мы влипли. Или копии фильмов не были уничтожены, или нашелся еще комплект. Этого мы не знаем: человек, который нам кое-что сообщил, мертв. Но миссис Кейтли получила пленки, и она ими воспользовалась.

Такова ситуация. «Запал» звездного эффекта установлен в отеле «Новая Эра». Он заблокирован, кнопку можно нажать только по радиосигналу с Луны – по сигналу миссис Кейтли. «Заряд» устроен таким образом, что любая попытка прорваться к нему, в то время как цепь замкнута, запустит его в действие. Я говорю с вами как физик, и мое твердое мнение таково, что нет способа предотвратить взрыв «звездной» бомбы, если предварительно не отключить цепь на Луне, а до того нельзя предпринимать никаких попыток прорваться к заряду, потому что это крайне опасно для всей планеты.

Вся схема и радиореле, управляющие земным триггером, расположены на Луне, в здании, находящемся внутри личного купола миссис Кейтли. Механизм управления триггером она постоянно держит при себе. Она имеет возможность временно разомкнуть цепь при помощи рубильника безопасности и часового механизма. Эта комбинация может быть установлена максимум на двенадцать часов, чтобы позволить хозяйке поспать или же как-то перезарядить устройство. Пока механизм не отключен, любая попытка проникнуть в помещение, где расположена смертоносная схема моментально взорвет «звездную» бомбу. Пока зарядное устройство отключено, можно ворваться в помещение, где оно находится, и разомкнуть цепь, но при этом поднимается тревога, которая заставит хозяйку снова зарядить устройство и тотчас взорвать его.

Первое – миссис Кейтли нужно убить и разъединить цепь.

Второе – помещение, где находится механизм и радиореле, необходимо открыть и

уничтожить их до того, как часовой механизм перезарядится и приведет в действие взрыватель. Сделать это нужно очень быстро, и не только из-за охраны, но и потому, что уцелевшие молодчики из службы миссис Кейтли постараются захватить власть, прорвавшись к управлению бомбой.

Третье, как только на Земле получают известие о том, что схема уничтожена, «Новая Эра» будет атакована военными силами и «звездная» бомба обезврежена.

Четвертое, когда это произойдет, придется арестовать всех, способных технически осуществить «звездный» эффект на практике. Состояние боевой тревоги следует сохранять до тех пор, пока не придет уверенность в том, что никаких проектов «звездного эффекта» более не существует, включая и третий комплект пленок, а в дальнейшем следует убедиться при помощи гипноза, что нет более компетентных личностей, которые владеют достаточными знаниями, чтобы создать подобную установку самостоятельно. Все эти мероприятия угрожают нашей конспирации, но придется рискнуть.

Есть какие-то вопросы?

– Котелок, – сказал Джо, – а разве она не знает, что, если Земля превратится в Нову, Луна будет поглощена этой катастрофой?

– Ее купол защищен стенами кратера от линии видимости Земли, очевидно, она считает, что находится в безопасности. Зло, как правило, глупо, Джо; несмотря на свой блеск и великолепие, она верит в то, во что хочет верить. Или, возможно, желает рискнуть и поставить на карту собственную жизнь ради искушающего приза абсолютной власти. В ее планы входит объявить себя диктатором, приправив это всякой благочестивой ерундой насчет того, будто бы она послана свыше как священная поборница мира – эвфемизм того, что она Земная Императрица. Типичные параноидальные отклонения; доказательства безумия в том, что устройство механизма не оставляет сомнений – через несколько часов после ее смерти Земля будет автоматически уничтожена, если мы не вмешаемся. Умереть же старуха может в любой момент, поэтому мы и вынуждены спешить. Никому еще не удавалось завоевать и подчинить себе всю Землю, даже комиссарам. Очевидно, она хочет не только завоевать Землю, но и уничтожить ее после того, как умрет, чтобы никто другой не смог захватить власть после нее. Есть еще вопросы?

Потом он продолжил:

– План состоит в следующем. Вы двое отправляетесь на Луну и найметесь домашними слугами к мистеру и миссис Александр Копли, это богатая пара, они живут в Домах Отдохновения Элизиум, Лунной Колонии. Они из нашей братии. Вскоре они примут решение вернуться на Землю, а вы захотите остаться: вам понравится на Луне. Вы дадите объявление, что станете работать на любого, кто оплатит неустойку за ваше возвращение. К тому времени миссис Кейтли по некоторым обстоятельствам, которые будут созданы специально, потеряет двух-трех слуг, возможно, она наймет вас, поскольку домашняя прислуга на Луне – дефицит. Если же нет, придется придумать что-нибудь другое.

Оказавшись в ее куполе, вы сообразите, как выполнить поручение. Вы проделаете процедуры номер один и два – с хорошей скоростью.

Человек по имени Мак-Гинти – он уже устроился внутри ее купола, – поможет вам со связью. Он не из наших, но является нашим агентом. Он телепат, и его способности не простираются далее этого. Связь с ним будете поддерживать: Гэйл – телепатически, Джо – по скрытому радио.

Джо взглянул на Гэйл: он впервые услышал о том, что она телепатка. Болдуин продолжал:

– Гэйл убьет миссис Кейтли, Джо прорвется в здание и уничтожит схему. Вы готовы отправиться?

Джо уже собирался объявить, что хочет поменяться с Гэйл заданиями, но тут Гэйл ответила:

– Готовы.

Ему оставалось только поддакнуть.

– Отлично. Джо, твой установленный IQ составляет около 85, а у Гэйл он 95, так что она будет главной в вашей супружеской паре. – Гэйл усмехнулась, глядя на Джо, – и ты, Джо, будешь на ее попечении. Ваши личные дела и «легенды» будут готовы вместе с вашими удостоверениями. Позвольте мне повторить вам, что необходимо очень быстро выполнить ваше задание: правительственные военные силы могут несвоевременно атаковать «Новую Эру». Мы сделаем все, чтобы предотвратить такие действия, а вы поторапливайтесь. Удачи вам.

Первая фаза операции «Черная Вдова» прошла точно по плану. Через одиннадцать дней Джо и Гэйл находились внутри купола миссис Кейтли на Луне и занимали комнату в отделении для слуг. Когда они впервые вошли в эту комнату, Гэйл огляделась и сказала на скоростной речи:

– Ну, теперь уж ты точно должен жениться на мне: я скомпрометирована.

– Заткнись ты, идиотка! Кто-нибудь может тебя услышать.

– Ха-ха! Они просто подумают, что у меня астма. Тебе не кажется, Джо, что я поступаю великодушно, жертвуя своей девичьей репутацией?

– Какой еще репутацией?

– Подойди-ка поближе, чтобы я могла надрать тебе уши!

Даже комнаты для слуг поражали роскошью. Купол был мечтой сибарита. Всю его территорию, кроме того места, где стоял дом миссис Кейтли, занимал прекрасный сад. Напротив него, через маленькое озерцо – естественно, единственное озеро на Луне – располагалась постройка для схемы и радиореле, управляющих земным триггером, она была замаскирована под маленький греческий, храм.

Купол светился пятнадцать часов в сутки, высвечивая черное небо с яркими звездами. «Ночью» освещение постепенно угасало.

Мак-Гинти работал садовником и, по всей вероятности, наслаждался своей работой. Гэйл установила с ним контакт и извлекла из него то небольшое, что он знал. Джо не общался с ним, если не считать служебных контактов.

В штате obsługi было более двухсот человек, поэтому в нем существовала своя социальная иерархия, от инженеров, обслуживающих купол и оборудование, личного пилота миссис Кейтли и до помощников садовника. Джо и Гэйл, будучи внутренними слугами дома, находились на середине этой лестницы. Гэйл снискала популярность, занимаясь безобидным флиртом и разыгрывая роль всегда услужливой и внимательной жены при кротком престарелом муже. Как выяснилось, она была великолепной горничной, или оператором комнат, еще до того как «вышла замуж», и к тому же владела искусством массажа спины и шеи, что облегчало головные боли и помогало заснуть. Она всегда готова была продемонстрировать свое умение.

Однако ей никак не удавалось установить тесный контакт с хозяйкой. Джо тем временем получил задание выносить все горшки с растениями «на воздух»: миссис Кейтли верила Джеймсу, дворецкому, что растениям по «ночам» лучше находиться вне дома. Таким образом, Джо по роду своих обязанностей имел возможность выходить из дома, когда купол погружался во тьму; он уже вступил в такие отношения с ночной охраной греческого храма, что стражник иной раз просил Джо «постоять» за него, пока он сам выкуривал запретную сигаретку...

Мак-Гинти смог сообщить еще один важный факт: в добавление к охране, запорам и бронированному покрытию самого здания, схема была заминирована. Даже если устройство не приведет в действие «звездную» бомбу на Земле, оно само по себе взорвется, если его тронуть.

Гэйл и Джо обсудили это в своей комнате. Гэйл сидела у него на коленях, как горячо любимая жена, ее губы приблизились к его левому уху.

– Может, ты сможешь уничтожить, не отходя от двери, и сам не взорвешься?

– Я должен действовать наверняка. Есть же какой-то способ отключить эту штуку. Не могла же она не предусмотреть возможности ремонта или замены деталей.

– Где же это может быть?

– Есть только одно местечко, которое согласуется со всеми остальными ее планами. Прямо у нее под рукой, рядом с выключателем и триггером. – Джо потер другое ухо: в нем находился коротковолновый приемник, соединенный с Мак-Гинти, и оно иногда чесалось.

– Гм-м... тогда можно сделать только одно: перед тем как убить старуху, я должна вытрясти из нее эти сведения.

– Поглядим.

Перед самым обедом на следующий «вечер» Гэйл нашла Джо в их комнате.

– Сработало, Джо, сработало!

– Что сработало?

– Старуха клюнула на приманку. Она услышала от своего секретаря о том, как я искусно делаю массаж, и мне приказано продемонстрировать свое умение сегодня же вечером. Я получила строжайший приказ явиться к ней и массировать ее так, чтобы она уснула.

– Значит, сегодня ночью.

Мак-Гинти ждал в своей комнате за запертой дверью. Джо слонялся в заднем холле, рассказывая мистеру Джеймсу бесконечную скучную историю.

Голос сообщил ему в ухо:

– Она уже в ее комнате.

– ... и вот так мой брат женился сразу на двух женщинах, – заключил Джо. – Вот уж не повезло! Пожалуй мне нужно вынести эти растения из дому, пока хозяйка не спохватилась...

– Конечно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мистер Джеймс. – Он взял два горшка с растениями и заковылял наружу. За дверью Джо поставил их и услышал:

– Она говорит, что уже начала массировать. Заметила выключатель от радио: он на поясе, который старуха кладет на стол, перед кроватью, когда его снимает.

– Скажи ей – пусть убьет и возьмет его.

– Она говорит – хочет сначала заставить старуху рассказать, как отключается минное устройство.

– Передай ей, чтобы не тянула.

Внезапно, в его голове, возник голос Гэйл, чистый и звонкий, как колокольчик, с ее настоящей разговорной интонацией.

– Джо, я тебя слышу, ты слышишь меня?

– да, да! – И добавил вслух: – Все-таки, стой у микрофона, Мак.

– это не займет много времени. Она испытывает сильную боль и скоро расколется.

– сделай ей побольней! – Он побежал к храму. – Гэйл, ты все еще охотишься за мужем?

– я его уже нашла, – выходи за меня, и я тебя буду бить каждую субботу.

– не родился еще тот мужчина, который будет меня бить.

– а я таки попробую, – он замедлил шаги, приблизившись к охраннику. – Эй, Джим!

– договорились.

– А-а, я не я, если это не славный Джо! Есть спичка?

– Вот. – Он протянул руку, а когда охранник обмяк, опустил его на землю и убедился, что тот без сознания. – Гэйл! Пора!

В ее «голосе» зазвучал ужас:

– Джо! Она была слишком выносливая, так и не раскололась. Она умерла.

– хорошо! Возьми пояс, разомкни зарядное устройство, посмотри, может, еще что найдешь.

Я намерен вломиться внутрь.

Он уже приближался к двери храма.

– оно разомкнуто, Джо. Тут что-то еще. Часовой механизм взведен. Больше ничего не могу сказать, другие детали не помечены и все похожи одна на другую.

Джо вытащил из кармана маленький предмет, которым заботливо снабдил его Болдуин.

– вытащи все проводки, не перекрути. Может быть, получится.

– о Джо, надеюсь!

Он поместил предмет рядом с замком, металл вокруг покраснел и начал плавиться. Где-то завывала сирена тревоги.

В голову Джо ворвался голос Гэйл, в нем звучало напряжение, но не страх:

– Джо! Они ломаются в дверь. Я в ловушке.

– Мак-Гинти! Будь нашим свидетелем. – Джо продолжал: – Я, Джозеф, беру тебя, Гэйл, и называю законной венчанной женой...

Она спокойно ответила:

– я, Гэйл. беру тебя, Джозеф, а называю законным венчанным мужем...

– чтобы заботиться о тебе... – продолжал он.

– чтобы заботиться о тебе, мой любимый!

– чтобы делить пополам горе и радость...

– чтобы делить пополам горе и радость... – Ее голос пел у него в голове.

– пока смерть не разлучит нас. Я уже открыл, милая, я вхожу туда.

– пока смерть не разлучит нас. Они уже ломают дверь спальни, Джозеф, дорогой мой.

– держись! Я уже почти на месте.

– они ее выломали. Джо. Идут ко мне. Прощай, мой родной! Я очень счастлива. – Ее «голос» резко оборвался.

Он стоял перед ящиком, в котором находилась схема. Вой сирены вонзался ему в уши. Он вынул из кармана другое приспособление и приладил его.

Взрыв, который разнес ящик, ударил его в грудь.

На металлической мемориальной доске высечены слова:

В ПАМЯТЬ О МИСТЕРЕ И МИССИС ДЖОЗЕФ ГРИН,

КОТОРЫЕ ВБЛИЗИ ОТ ЭТОГО МЕСТА ПОГИБЛИ,

СПАСАЯ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

notes

ФБСБ – федеральное бюро службы безопасности.

Нова (nova) – новая звезда.

Буль, Джордж (1815—1864) – ирландский математик и логик.

Гештальт (нем. Gestalt – целостная форма, образ, структура).